

Анжей
Иконников-Галицкий

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

Андрей Андреевич Иконников- Галицкий Декабристы: История, судьба, биография

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72856427
ISBN 978-5-389-31638-6*

Аннотация

14 декабря 1825 года – мятеж на Сенатской площади – одна из ярчайших страниц русской истории. Однако до сих пор, спустя 200 лет, не утихают споры о причинах, плане, ходе и итогах восстания. Было ли это масштабным выступлением дворян-единомышленников, стремившихся осуществить государственный переворот, – или всего лишь «происшествием», как называли восстание в официальных источниках? Приблизиться к пониманию феномена движения декабристов, не прибегая к готовым идеологическим трактовкам, помогает изучение биографий его участников.

Эта книга посвящена судьбам 120 декабристов, осуждённых Верховным уголовным судом. В ходе следствия, которым руководил лично император Николай I, 117 мятежников признались в совершённом преступлении, большинство из них ожидали тюрьма, каторга и ссылка, пятеро были приговорены к смертной казни. Кто же были эти люди, кого из них мятеж вёл к

вершинам власти, а кто оказался случайно вовлечён в водоворот политических событий? Как складывалась жизнь декабристов до и после 1825 года, кто из них сумел преодолеть все тяготы наказания, а кто не выдержал суровых испытаний и отчаялся? – об этом в новой книге известного петербургского историка Анджея Иконникова-Галицкого.

Содержание

Часть I.	9
Знакомые незнакомцы	9
Дорога к Сенатской площади	31
«Происшествие 14 декабря» и что случилось после	40
Кое-что о неудачниках	49
Часть II	54
Повесть о пяти повешенных	54
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий Декабристы: История, судьба, биография

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2025

© Государственный исторический музей, 2025

© А. А. Иконников-Галицкий, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

Издательство Азбука®

* * *

**А н д ж е й
И к о н н и к о в - Г а л и ц к и й**

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

А н д ж е й
И к о н н и к о в - Г а л и ц к и й

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ,
СУДЬБА,
БИОГРАФИЯ

АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Часть I.

Между престолом и виселицей

Знакомые незнакомцы

Есть такие исторические явления, о которых нам ещё со школьной скамьи всё вроде бы известно.

Например, декабристы: о них написаны тома исследований, повести, поэмы и романы, сняты фильмы, поставлены пьесы, спеты песни и даже сочинены анекдоты. Что можно ещё добавить?

Казалось бы, мы о них всё знаем. «Любовь к добру разбредила сердце им...»

А что, собственно, знаем?

Сколько их было? Кто они такие? Чего добивались? И за что пятеро из них были повешены, а другие на десятилетия отправлены в каторжные норы, тюрьмы и ссылку?

Ни на один из этих вопросов, как оказывается, нет ясного ответа.

Для начала: сколько их было?

Обвинительный приговор Верховного уголовного суда от 10 июля 1826 года вынесен в отношении 120 «злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года». Ещё с полсотни

человек осуждены другими судами по делам, так или иначе связанным с декабрьскими событиями. Это если считать только дворян, количество же осуждённых солдат не поддаётся определению (среди них, заметим, некоторое, и тоже не вполне ясное, количество бывших офицеров, разжалованных в солдаты). Наказаниям помимо суда – заключению на гауптвахте, ссылке в свои имения, переводу с понижением по службе и тому подобным – подвергнуто около сотни. Проходили по делу, но от суда избавлены ещё примерно столько же. Причём в составе последних двух категорий, то есть избежавших суровой кары, есть деятельнейшие участники движения, такие как генерал Михаил Фёдорович Орлов, полковник Иван Бурцев, полковник Фёдор Глинка; есть и явные мятежники 14 декабря – например, граф Иван Коновницын или князь Александр Гагарин. В то время как среди осуждённых имеется немало лиц, вовсе не причастных к событиям того рокового дня, равно как и тех, кто не участвовал ни в каких тайных обществах. Наконец, неопределённое количество персон, которых можно было обвинить в том же, за что осудили других, вообще не попали в поле зрения суда и следствия. Неизбежен вопрос: кого же считать декабристом, а кого – нет? Случайно оказавшегося 14 декабря на Сенатской площади и осуждённого лейтенанта Окулова – или случайно оказавшегося там же и освобождённого от наказания лейтенанта Цебрикова?¹ Осуждённого Николая Оржиц-

¹ Не путать с братом, поручиком лейб-гвардии Финляндского полка Цебрико-

кого, принадлежность коего к движению заключалась единственно в том, что он, зайдя 13 декабря к Рылееву, услышал нечто о мятежных планах и до утра 14-го не донёс об этом куда следует, – или убеждённого адепта Южного общества Льва Витгенштейна, осуществлявшего слежку за собственным отцом-генералом, но признанного «неприкосновенным к делу»?

Такого рода вопросы возникают в отношении доброй половины лиц, замешанных в событиях рокового декабря. А единомышленники и сочувствующие, лишь по стечению обстоятельств не угодившие под суд, – их кем считать и как сосчитать?

Нам остаётся только развести руками и признать, что в списке декабристов может быть от одной-двух сотен до одной-двух тысяч фамилий.

Недурно было бы, во-вторых, дать если не точное определение, то хотя бы внятное объяснение самого понятия «декабрист». (Кстати, термин этот был многим декабристам неведом: в широкий оборот его ввёл А. И. Герцен через три десятилетия после событий декабря 1825 года.) Однако и тут мы сталкиваемся с трудностями. Всех, кого принято именовать декабристами, никак не удаётся подвести под один знаменатель.

Перед нами совершенно разные люди, и всё у них разное: образование, положение в обществе, чины, интересы,

взгляды, жизненный опыт, способности и таланты... Большинство офицеры, но есть статские и неслужащие. Одни – аристократы высшей пробы, другие с натугой могут насчитать два-три поколения «благородных» предков. Близкие к трону – и заурядные служаки. Первостатейные богачи – и бедные, как церковные крысы. Счастливы с блистательными карьерными перспективами – и горемычные неудачники. Безответственные авантюристы – и Катоны, проникнутые чувством долга. Альтруисты – и себялюбцы. Праведники – и грешники. Умники – и сумасшедшие.

Пожалуй, только две общие черты можно обнаружить: принадлежность к дворянскому сословию² и уверенность в необходимости коренного переустройства России.

Ни общепринятой идеологии, ни внятной политической программы, ни чёткого представления о целях и задачах совместного действия.

– Как же так, – воскликнет просвещённый читатель, – а конституционный строй? А гражданские права? А планы освобождения крестьян? Как же, наконец, Конституция Никиты Муравьёва и «Русская правда» Пестеля? Это ли не политические программы двух направлений в декабристском движении – умеренно-конституционно-монархического и радикально-республиканского?

² Среди осуждённых различными судами по делам, связанным с декабрьскими событиями (не считая солдат), имеется лишь один представитель мещанского сословия и один священнослужитель; остальные – дворяне.

Нет, – ответим мы, прочитав внимательно оба документа, – это не политические программы.

– А что же это?

Хороший вопрос. Ответить на него так же непросто, как и на все прочие вопросы о декабристах.

«Русская правда» – произведение незаконченное. Пестель постоянно вносил в него изменения и, очевидно, собирался править и в дальнейшем. Уже по этой причине «Русскую правду» нельзя считать руководством к действию. В жанровом отношении она – нечто среднее между философским трактатом, социальной утопией и публицистической поэмой. Некоторые её положения мечтательно-теоретичны и более подходят для проповеди зануды-пастора, чем для политического документа; некоторые заведомо неисполнимы на практике. Например, переселение военной силой всех евреев из России и Польши куда-то в «Азиатскую Турцию» и создание там еврейского государства. Или превращение всех сибирских кочевников и охотников в оседлых земледельцев. Или всеобщая депортация «буйных» кавказских народов. На осуществление подобных проектов не хватило силёнок даже у тоталитарных режимов XX века, что уж говорить о реальных возможностях тогдашнего государства Российского, хоть бы его главою и сделался Пестель. К тому же стиль «Русской правды» многословен, язык суконен. Чтобы прочитать её, нужно набраться терпения и иметь порядочный досуг, что обычно плохо согласуется с политическим действием.

Что касается Конституции Муравьёва, то написана она именно в пику Пестелю, с которым у «беспокойного Никиты» сложились отношения острого соперничества. Пестель хочет республики – Муравьёв возвещает монархию. Пестель утверждает территориальное единство – Муравьёв режет страну на 15 ломтей (13 держав и две области). И так далее. Оба документа, однако, сходятся в том, что ставят далёкие от реальности цели и никоим образом не указывают пути их достижения.

Наконец, это не политические программы просто потому, что их содержание было известно сравнительно узкому кругу участников движения: несколькими десятками из сотен.

К этим документам мы ещё вернёмся в главах о Пестеле и Муравьёве. Теперь – ещё об одном, казалось бы, ясном вопросе: об отмене крепостного права.

Действительно, все (или почти все) декабристы сходились на том, что крепостное право есть рабство и крестьянам нужно дать волю. Сходились, правда, в теории, в самых общих представлениях. На вопросы «когда?» и «как?» ответы предлагались совершенно разные, а большинство и вовсе не давало внятного ответа.

В Российской империи с 1803 года действовал закон Александра I «Об отпуске помещиком крестьян своих на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных» (в обиходе – «Указ о вольных хлебопашцах»). Согласно закону, ничто не препятствовало барину освободить сво-

их крепостных, заключив с ними (с отдельными лицами или с целой общиной) договор, основным содержанием которого являлся выкуп и раздел земельной собственности. Хотя большинство будущих декабристов по молодости лет являлись лишь наследниками родительских поместий, было среди них немало полноправных землевладельцев. Были и крупные хозяева, вершители судеб сотен крепостных. Никто из них не воспользовался вышеназванным законом.

Правда, попытки имели место.

Например, декабрист Якушкин. Человек честный, исключительно благородный, настоящий рыцарь добра и свободы (так характеризуют его современники), он унаследовал средней руки имение в Вяземском уезде Смоленской губернии и захотел осчастливить своих крестьян. С этой целью он вышел в отставку и поехал жить в деревню. И вскоре решил дать людям волю – без земли, с правом последующей аренды. Со своим предложением он, как того требовал закон, обратился к крестьянам. Те обрадовались, но потом хорошенько подумали и ответили:

– Нет уж, батюшка барин, на таких условиях мы воли не хотим. Пусть будет всё по-прежнему. Ты – отец наш родной, за тобою нам как-то спокойнее.

Тем дело и кончилось.

Декабрист Лунин (заметим: неженатый и бездетный, никакими материальными обязательствами не связанный) поступил не столь простодушно. Он завещал свои имения дво-

юродному брату с условием, что тот освободит крестьян в течение пяти лет после вступления в наследство. То есть сохранил за собою пожизненно права помещика и переложил проблему на ни в чём не повинного родственника. Но завещание не сработало, поскольку Лунин был осуждён на каторгу и лишён имущественных прав. А если бы не был осуждён и не умер в тюрьме, то вполне мог бы дожить до всеобщего освобождения крестьян при Александре II, и завещание потеряло бы смысл.

Как видим, в обоих случаях планы декабристов разбиваются о реальность.

А почему?

Всё дело в наделении крестьян землёй. Если помещик даст им земли достаточно, за скромный выкуп или даром, то ему самому станет нечем жить. А у него жена, дети, собака, кошка, лошадка и всё такое прочее; а у детей свои планы на жизнь, сыновьям нужно содержание, дочерям приданое... ну, и так далее. Если же даст земли недостаточно или задорого, то крестьяне пойдут по миру или, вернее, к своему же барину внаймы на кабальных условиях. Притом если раньше он нёс за них ответственность перед государством, то теперь нести не будет. Зачем им такое счастье, да ещё за выкуп?

О земельный вопрос разбивались все планы отмены крепостного права вплоть до реформы 1861 года. Но и сия последняя привела к долговой кабале и существенному сокращению земельного фонда свободных крестьян по сравнению

с тем, что было в их же пользовании до освобождения, при барине. И это породило проблему крестьянского малоземелья и в конечном итоге стало одной из главных предпосылок революции. А революция, как известно, безжалостно уничтожила всех дворян как класс, в том числе и потомков декабристов.

Поэтому немудрено, что в среде будущих героев и жертв 14 декабря не было ясности по поводу осуществления крестьянской вольности.

Возникает ощущение, что решение этого вопроса они вообще старались отодвинуть куда-нибудь. К примеру, в Конституции Никиты Муравьёва содержится что-то около сотни статей о принципах и структурах государственной власти и лишь четыре статьи о земле и крестьянах. Причём в этих статьях перво-наперво сказано: «Земли помещиков остаются за ними» (статья 24). А про всё остальное сказано: «Последующие законы определяют» (статья 26).

Подобная невнятица и несогласованность имели место и по другим вопросам, вплоть до таких ключевых, как царевубийство и военный мятеж с целью захвата власти. Больше всего споров было как раз об этом. Каждый раз находились ярые сторонники и убеждённые противники того и другого. И что самое интересное, к единому мнению наши вольнодумцы не пришли не только к моменту восстания, но и после него.

Притом люди-то это всё бывалые и решительные, не ка-

кие-нибудь очкастые интеллигенты, в основном – офицеры, привыкшие командовать солдатами, отмаршировавшие сотни вёрст на плацу и в походах. Они хорошо владели разными видами оружия. Многие из них побывали в кровопускательных и костедробительных сражениях Наполеоновских войн и имели за это награды. Для них ничего не стоило на дуэли стать на шести шагах под пистолетное дуло. Жертвовать собой, когда того потребуют высшие обстоятельства, было их наследственным занятием.

И наряду с этим – полная неспособность (или нежелание) принять единый план действий даже в критической ситуации.

И вопиющая неясность целеполагания. На вопрос: «К чему мы стремимся?» – ответ: «К свободе и общему счастью», и ничего более конкретного.

Да-с. Наших школьных знаний о декабристах явно недостаточно.

Так кто же были эти люди?

* * *

При всей неоднородности декабристской среды, в ней всё-таки можно выделить две неравные группы. Первую составляет несомненное большинство, они вращаются в высшем свете, господствуют в чинах, да и всё движение инициировано и направляется ими. Их можно было бы назвать при-

ателями Онегина. Вторая – провинциальная армейская молодежь, из небогатых и незнатных, но это куда более решительная, последовательная и сплочённая братия. Их мы назовём сослуживцами Ивана Фёдоровича Шпоньки.

Покамест сосредоточимся на первой группе. Что же мы видим при внимательном изучении? Мы видим людей, соединённых бесчисленными родственными, служебными, землевладельческими и приятельскими связями.

В так называемой Десятой главе «Евгения Онегина» очень точно про них сказано: «Сбирались члены сей семьи». И это не просто метафора дружеского круга, а действительно такая большая семья, в которой все друг другу родственники, свойственники, соседи или друзья дома. Скажем, декабрист Захар Чернышёв – шурин Никиты Муравьёва. А Михаил Лунин – Никите и Александру Муравьёвым двоюродный брат. И у этих Муравьёвых общий прапрадедушка с Муравьёвыми-Апостолами, Сергеем, Матвеем и Ипполитом, то есть они состоят в четвероюродном родстве. А троюродная сестра Муравьёвых-Апостолов Екатерина Ивановна, урождённая Вульф, в замужестве Полторацкая, – мать Анны Петровны Керн, той самой, с которой немножко дружил Пушкин. А Пушкин последние два года жизни снимал квартиру на набережной Мойки, в доме, принадлежавшем княгине Софье Волконской, сестре декабриста князя Сергея Волконского и жене князя Петра Волконского, вельможи, близкого к особе императора. Причём лет за двенадцать до Пушкина

в этом же доме квартировал декабрист Завалишин. А сестра поэта Кюхельбекера, лицейского друга Пушкина, Устинья Карловна, была замужем за Григорием Глинкой, который приходился двоюродным братом Фёдору Глинке, тоже поэту и одному из основателей декабристских тайных обществ. А жена декабриста Якушкина – дочь тётки поэта Фёдора Тютчева и сестра участника тайных обществ Алексея Шереметева (избежавшего, правда, суда и наказания). А бабка по матери декабриста князя Александра Одоевского – также и двоюродная бабка декабристов Фёдора и Александра Вадковских. И так далее.

Желающие могут самостоятельно поупражняться в исследовании родственных связей лиц декабристского круга. Занятие весьма увлекательное.

Родственные связи в дворянском обществе были вовсе не номинальными, а весьма обязывающими. Если где-нибудь на почтовой станции или на званом обеде встречались два незнакомых помещика, то они первым делом начинали выискивать общих родственников (это называлось «сосчитаться роднёй»). Родственники и свойственники связаны многими неписаными обязательствами. Младшим в семье следует почитать старших, старшие и чиновные должны защищать младших и продвигать по службе; это их долг и основа влияния в обществе.

Родственные и служебные связи тянутся далеко за пределы собственно декабристского сообщества. Можно смело

сказать, что подножие самого престола, на котором восседал государь император, было оплетено этими нитями, как густой дерниной. Наверное, у каждого, или почти у каждого, будущего декабриста «онегинской» группы имелись родственники, свойственники, однокашники и сослуживцы в кругу высшей аристократии, в окружении царя. Вряд ли ошибёмся, если скажем, что царь знал почти каждого из них в лицо и по фамилии. И уж точно каждый декабрист хотя бы раз своими глазами видел государя. Образно говоря, каждый из них стоял на расстоянии вытянутой руки от престола и от священной особы императора. Их отношения с верховной властью были тоже по-своему семейными. И это давало почву всяким надеждам и амбициям.

Кстати говоря, судьи, выносившие приговор декабристам (а их было в Верховном уголовном суде 72 человека), тоже зачастую приходились родственниками, свойственниками и сослуживцами подсудимым.

Декабристское сообщество – это большая семья, которая является частью ещё большего семейственно-кланового целого. Отношения декабристов между собой и с самодержавной властью, да и вообще многие мотивы их поступков и ответных действий власти обусловлены этой семейственностью. Нам они бывают непонятны, поскольку мы не посвящены в их семейные тайны.

В частности, нам не всегда ясны особенности их семейной иерархии.

В старомосковские времена в служилой боярско-дворянской среде была выработана система взаимоотношений, получившая название «местничество». По её правилам честь (то есть социальный статус человека) определялась тем, до какой ступени поднимались родственники и предки на лестнице государственной службы. Причём внук, допустим, мог «честно» служить «ниже» деда, но только в том случае, если рядом не стоял «выше» тот, чей дед служил «ниже» его деда. (Кажется, понятно объяснил.) Если же данное правило нарушалось, то следовали конфликты, жалобы, тяжбы, вызванные «порухой чести». Иногда дело заканчивалось даже болезнью и смертью от обиды.

Формально принципы местничества были упразднены ещё при царе Фёдоре Алексеевиче, предшественнике Петра Великого. Но они вовсе не искоренились из представлений русских дворян о миропорядке.

Всех, кто знаком с тем, как развивались события накануне 14 декабря, удивляет выбор руководителей восстания, равно как и их поведение в решающий момент. Верховный вождь и наречённый диктатор – полковник князь Сергей Трубецкой, человек, лишённый начальственной харизмы; он даже не вышел на площадь, не присоединился к восставшим. Его заместитель, гвардии поручик князь Евгений Оболенский, тоже оказался непригоден к роли лидера мятежников. И ведь заранее было ясно, что ни в Бруты, ни в Бонапарты они не годятся. Почему же предводителями выбрали именно их?

Тут, конечно, сошлись разные мотивы, явные и не очень. Но есть один скрытый, на который сто́ит обратить внимание. По местническим, то есть родовым правилам князь Трубецкой стоял выше всех участников заговора. Двое из его рода были ближними боярами при царях Фёдоре Ивановиче и Алексее Михайловиче, прадед – генерал-фельдмаршал, а один дальний родственник даже соперничал с Михаилом Романовым как претендент на московский престол. К тому же по матери предки князя Сергея были грузинские цари. Среди декабристов никто не мог тягаться с Трубецким в родovitости. И никто не мог оспорить его право на место главы предполагаемого Временного правительства. Ему и на площадь-то выходить не надо было – как когда-то наречённому на царство Михаилу Романову «невместно» было ехать в разорённую Москву. Дело сделают нижестоящие, а ему достойно будет принять готовую власть. Тем более что есть следующий по иерархии – князь Евгений Оболенский, Рюрикова рода, чьи предки когда-то служили не ниже Трубецких, но потеряли чины в опале и давным-давно не поднимались выше окольничих³. Ему и командовать на свежем декабрьском воздухе.

Конечно, мы не думаем, что участники заговора именно так формулировали свои мысли. Но понятия о служебно-ро-

³ *Окольничий* – до реформ Петра I придворный чин ступенью ниже думного боярина. Из кандидатов в декабристские лидеры с Оболенским мог потягаться знатностью князь Сергей Волконский (о нём – в части V), но он нёс службу вдалеке от Петербурга.

довой чести, как и обязательства родства, были у них в крови и явно или подспудно определяли многие поступки.

Отчасти тут и разгадка одной из загадок судебного приговора: почему казнены были не участвовавший в восстании Пестель и мимоходом промелькнувший на Сенатской площади Рылеев, а Трубецкому и Оболенскому сохранили жизнь (притом что Оболенский успел кольнуть штыком генерала Милорадовича и доподлинно неизвестно, отчего тот умер – от пули Каховского или от штыка Оболенского). Судьи из того же семейственного круга не сочли возможным вынести устрашающий приговор – четвертование! – своим собратьям, занимавшим столь значимое место в родовой иерархии; царь это понял и заменил смерть каторгой. Другое дело Пестель, который не мог указать предков-дворян в пятом поколении, или Рылеев, чьи предки не поднимались по службе выше губернатора. Вот их-то и повесить.

К вынесенному приговору мы ещё будем возвращаться. Теперь другое важное наблюдение.

Декабристы, конечно, были до мозга костей русскими дворянами – даже и те, кто по происхождению не был русским. Но в плане светского воспитания и книжного образования они столь же решительные западноевропейцы. По крайней мере, хотели видеть себя таковыми.

Особенность жизни русских дворян той эпохи – национально-культурная и языковая двойственность. С малолетства их растили крепостные кормилицы, дядьки, нянь-

ки, не знавшие других языков, кроме русского. Гувернёры же и гувернантки, а зачастую и родители вели общение на иностранных языках, в первую очередь по-французски. Повзрослев, юные дворяне поступали чаще всего в военную службу и разговаривали с солдатами, разумеется, на самом суровом диалекте русского языка. А книги читали почти исключительно французские, реже немецкие или, на худой конец, переводные с этих языков. Тогда в европейской литературе был в моде романтизм, в общественной мысли – либерализм. А тут ещё Наполеоновские войны и заграничный поход 1813–1814 годов, познакомивший многих русских офицеров с европейским блеском и лоском. Немудрено, что романтические настроения и отголоски либеральных идей вкупе с русской сумбурной натурой определили образ мыслей декабристов.

Декабристы – бесспорно люди европейского образования, но (за редкими исключениями) довольно бессистемного и поверхностного. Князь Сергей Волконский обучался в Петербурге, в самом привилегированном частном учебном заведении того времени – пансионе аббата Николья, и отзывался об этом так: «Заведение славилось как лучшее, но по совести должен... высказать... что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая». Это он писал на старости лет, пройдя суровую школу жизни, так что ему можно верить. Подобные пансионы, а также домашние гувернёры и гувернантки давали юным

русским дворянам вовсе не образование, а воспитание, причём именно «блестящее», то есть умение прекрасно говорить и стройно мыслить на нескольких европейских языках, танцевать, музицировать, идеально вести себя в обществе, владеть собой, быть честными, ответственными и так далее. Эти качества декабристы сохранили до старости лет, пройдя войны, каторжные тюрьмы и сибирскую ссылку. Но с образованием как упорядоченной суммой знаний дело обстояло гораздо хуже.

Системное образование в России традиционно давали в духовных школах, но оно было сословным, в основном для сыновей священнослужителей. Декабристами и людьми их круга оно воспринималось как нечто архаичное или даже как невежество. Декабрист барон Розен не без издёвки вспоминал, как председатель Следственной комиссии пожилой генерал А. И. Татищев добродушно пенял подсудимым, указывая на свои ордена: «Вы, господа, читали всё – и де Траси, и Константа, и Бенгта – и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только Священное Писание, и смотрите, что заслужил». Эту сценку всегда приводят как иллюстрацию просвещённости декабристов и невежества их судей. Однако стоит заметить: во времена Татищева не существовало перевода Писания на русский язык, стало быть, он пользовался церковнославянским текстом. Я бы советовал благосклонному читателю попытаться одолеть по-церковнославянски хотя бы одну из книг Библии. Это труд, требующий

терпения и многих специальных знаний, и просвещает, во всяком случае, не меньше, чем штудирование Константа или Бенета. Не уверен, что большинство «передовых» дворян декабристского круга прочло церковнославянскую Библию от альфы до омеги (вернее, от аза до ижицы).

Притом, как совершенно верно отметил Пушкин, «учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Так написал поэт, который обучался в лучшей дворянской школе тогдашней России – в Царскосельском лицее. Между тем, будучи современниками крупных военно-политических событий и находясь близко к центрам принятия исторических решений, будущие декабристы ощущали себя действующими лицами исторического процесса и наверняка соотносили текущие события с событиями прошлого. А откуда они могли про это знать? Из французских и немецких книг, а также из немногих русских, написанных в подражание тем⁴. Древнюю историю им заменяли французские переводы античных авторов, главным образом Плутарха и Тацита. Пред мысленным взором декабриста возникали выпренье, театральные образы персонажей баснословного прошлого: Брут, Цезарь, Катон, Цицерон, братья Горации и так далее. Из плохо известной русской истории – балладные Вещий Олег, Святополк, Рогнеда, Мстислав Удалой, князь Курбский... На эти темы Рылеев написал сборник стихов под названием «Думы», о ко-

⁴ Историческая наука в России только зарождалась, и даже Карамзина смогли до декабрьских событий прочитать далеко не все декабристы.

тором Пушкин прямо отозвался: «Думы – дрянь!»

Контрапунктом к этим условно-книжным картинам служили реальные исторические примеры из недавнего прошлого. Прежде всего Наполеон, чей образ вдохновлял и пугал одновременно: защитник свободы и тиран, вершитель судеб мира, капрал в походном мундире, «пред кем унизились цари»... «Мы все глядим в Наполеоны» – слова вдумчивого наблюдателя Пушкина могут быть напрямую отнесены к Пестелю, Рылееву, Сергею Муравьёву-Апостолу... Этот последний открыто восторгался ещё одним боевитым современником – Рафаэлем Риго, предводителем военного мятежа в Испании, вначале блистательно победившим, но в итоге повешенным.

О Наполеоне, Риго, Кирогe, Боливаре, Александре Ипсиланти и подобных героях своего времени в декабристских кругах говорили много и громко. Гораздо тише вспоминали о переворотах в России в июне 1762-го и в марте 1801 года. Однако же события эти имели для декабристов особенное значение и, может быть, вдохновляли на подвиг более, чем примеры Брута и Наполеона. Ведь именно дворянство (и именно тот его слой, к которому принадлежало большинство будущих декабристов) дважды решило судьбу престола, переступив через труп самодержца. Длительные царствования Екатерины II и Александра I, начавшиеся с переворотов, сопровождаемых цареубийством, считались легитимными, а краткие правления убиенных Петра III и Павла как

будто бы нелегитимными. Таким образом в сознании многих представителей дворянской элиты утверждалась мысль: дворянство выше самодержавия. «Лучшие дворяне» вправе устранять плохих монархов и определять образ правления.

У многих декабристов, если хорошенько поискать, нашлись бы родственники, участвовавшие в том или другом перевороте. Например, отец и три дядюшки вышеупомянутого Михаила Орлова были ключевыми деятелями екатерининского переворота; в заговоре против Павла I участвовали Иван Муравьёв-Апостол, отец трёх декабристов, и их же свойственник Константин Полторацкий. Тем удалось – почему бы и этим не попробовать?

Котурны театрального Брута по ходу пьесы превращались в офицерские ботфорты, которыми был насмерть забит император Павел.

Постоянно повторяя вычитанные из французских книг либеральные обороты речи – о свободе, естественном праве, народовластии и прочем – и искренне веруя в них как в формулу истины, – наши герои удивительным образом не применяли на практике сии декларации к собственному народу. Офицеры-декабристы вывели своих солдат под картечь на Сенатскую площадь, под пули близ Василькова; они долго готовились к таковым действиям, завоёвывая авторитет у подчинённых, стремясь добиться преданности и безусловно-го повиновения. Но никому из этих офицеров (кроме, кажется, лейтенанта Арбузова и некоторых молодых членов Об-

щества соединённых славян) не пришло в голову обсудить со своими солдатами цель действий. Равно как декабристам-помещикам – всерьёз поинтересоваться у крепостных, на каких именно условиях те готовы получить волю.

Увы, приходится признать: любя нижестоящих и желая им всяческих либеральных благ, наши борцы с властным произволом готовы были использовать этих нижестоящих как расходный материал для достижения великих целей.

Дорога к Сенатской площади

История декабристского движения начинается с образования в офицерской среде так называемых тайных обществ. В настоящем смысле слова тайными, то есть строго конспиративными, организациями они не были, а наименование получили по аналогии с масонскими ложами, от которых заимствовали некоторые особенности устройства. Заметим, что масонские общества именуются тайными не потому, что в окружающем мире ничегошеньки о них не знают, а потому, что предполагается хранение в них некоего тайного знания, постепенно открываемого посвящённым.

Вообще, вопросы веры считались в этой среде делом личным и свободным. Тем не менее все, или почти все, декабристы были людьми в той или иной степени религиозными. Даже Пестель, признавшийся в частной беседе, что «сердцем он атеист», в последних своих письмах из темницы взывает к справедливому Божьему суду и перед казнью просит благословения у православного священника. И князь Александр Барятинский, в молодости писавший по-французски безбожные стихи, в годы ссылки неоднократно исповедовался и причащался Святых Тайн. Все они принадлежали к христианским конфессиям. Подавляющее большинство — православные; были также лютеране и католики. Это, однако, не мешало многим из них побывать в масонах, а некото-

рым — достичь высоких степеней посвящения.

Мы не будем погружаться в масонскую тему. Укажем, однако, что, по оценкам исследователей, из числа обвиняемых по делу 14 декабря от четверти до половины в разное время принадлежали к масонским организациям; в частности, из пяти казнённых — трое: Пестель, Рылеев и Муравьёв-Апостол. Но и среди следователей и судей было немало масонов — например, редактор текста приговора М. М. Сперанский, секретарь Следственного комитета А. Д. Боровков, будущий шеф жандармов А. Х. Бенкендорф.

Волна популярности масонства среди российского дворянства в интересующую нас эпоху была вызвана Наполеоновскими войнами, особенно победоносным походом 1813–1814 годов. Война — не только конфликт, но и череда культурных контактов. Русское воинство впервые столкнулось с западноевропейским миром и его общественным укладом на огромных пространствах от Немана до Сены. В этом мире масонские организации были тесно связаны с либеральными политическими кругами. Мода на масонство среди русских офицеров стала естественным продолжением моды на либерализм.

Будущих декабристов в масонстве в первую очередь интересовали не религиозно-философские аспекты (хотя и этой тематики не чуждались), а социально-культурные и организационные. Особенно вдохновлял императив «братства, любви и равенства», долженствующих царить среди «воль-

ных каменщиков» (из этого же источника, кстати, «Свобода, равенство, братство» – лозунг Французской республики), а также призывы к самосовершенствованию и распространению просвещения. Но перво-наперво внимание офицеров привлекли принципы устройства масонских организаций: строгая иерархия, степени посвящения, единоначалие выборных лиц, соблюдение внутренних тайн. Готовая структура для заговора.

Заметим также, что привычка выделять своих среди прочих, уверенность в знании истины и несколько высокомерная потребность «просвещать непросвещённых», свойственные многим декабристам, суть черты масонской психологии.

В 1815 году, сразу же по возвращении войск из-за границы, в офицерской среде стали возникать масонские ложи и иные организации с не вполне ясными целями. В составе ложи «Трёх добродетелей» мы видим Матвея и Сергея Муравьёвых-Апостолов, Павла Пестеля, Александра и Никиту Муравьёвых. Тот же неутомимый Александр Муравьёв вместе с группой родственников и друзей образовал в Петербурге загадочную «Священную артель». Общество с превыспренным названием «Орден рыцарей русского креста» основали Михаил Орлов, только что произведённый в генералы за взятие Парижа, и большой чудак и богач Матвей Дмитриев-Мамонов. В лейб-гвардии Семёновском полку возникла офицерская артель, участники которой занимались взаимным обучением, чтением французских книг и разговора-

ми на общественно-политические темы. Узнав о её существовании, Александр I немедленно запретил офицерские сборища.

В 1816 году (9 февраля, если верить памяти князя Сергея Трубецкого) группа гвардейских офицеров (в том числе и члены вышеупомянутых сообществ) образовала Союз спасения – тайное общество, в коем приняли участие: Александр Николаевич и Никита Михайлович Муравьёвы, Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, князь Сергей Трубецкой, князь Илья Долгоруков, Фёдор Глинка, Михаил Лунин, Иван Якушкин, Павел Пестель и другие будущие «государственные преступники». Устав, или, как они сами предпочитали выражаться, статут, Союза написал, как считается, Пестель на основе аналогичных масонских уставов; впрочем, текст не сохранился, и содержание известно лишь в общих чертах. Цель, как выразится впоследствии Якушкин, «в обширном смысле благо России». Туманная напыщенность вообще свойственна терминологии этого общества: его верхушка – «Верховный собор», его члены – «истинные и верные сыны Отечества», которые, как в масонской ложе, разделены на три степени: «бояре», «мужи», «братья».

Но это на словах. На практике Союз спасения был скорее дружеским обществом, нежели организацией: ни постоянно-го состава, ни структуры, ни чётко сформулированных задач. На собраниях его участники «между лафитом и клико» обсуждали далеко идущие политические планы, вплоть до

цареубийства, и радикальные идеи освобождения крестьян, введения представительного правления и тому подобное. Но далее разговоров дело не шло.

В начале 1818 года сие сообщество прекратило своё существование. Но почти все его участники тут же оказались в новообразованном Союзе благоденствия. Его обычно причисляют к тайным обществам, но это не вполне верно. У Союза благоденствия были, так сказать, лицевая сторона, вполне легальная, и оборотная, не то чтобы совсем законспирированная, но всё-таки прикрытая от посторонних глаз. Принципы легальной деятельности были изложены в так называемой «Зелёной книге», в первой её части. Там сказано, что данное общество «в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия». И далее подробно излагается, каким образом следует осуществлять распространение правил нравственности, воспитывать в этом духе юношество, умножать познания и прочее. Каждый член общества должен стараться «во всех речах своих превозносить добродетель, унижать порок и показывать презрение к слабости», «примирить и согласить все сословия, чины и племена в государстве и побуждать их стремиться единодушно к цели правительства: благу общему», «попирать невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, водворять

истинное просвещение». Всё это цели, против которых ни тогда, ни теперь возразить нечего.

Утверждают, однако, что существовала вторая часть «Зелёной книги», предназначенная для узкого круга посвящённых. Якобы там говорилось о конституции, об отмене крепостного права, введении представительной формы правления и прочих политических преобразованиях на либеральной основе. Однако эта секретная часть пропала бесследно, и существовала ли она в действительности – неизвестно.

Не до конца ясно, в какой степени Союз благоденствия был политической, а в какой благотворительно-просветительской организацией. Так или иначе, в нём насчитывалось более двухсот членов, многие из которых будут впоследствии осуждены за причастность к событиям декабря 1825 года. У этого общества было нечто вроде центрального комитета – так называемая Коренная дума, и в её составе некий Совет из шести регулярно переизбираемых членов, а также несколько региональных управ, из которых достоверно известны три: в Москве, Кишинёве, Тульчине (в двух последних городах находились штабы войск, в которых служили члены Союза).

Однако по большому счёту всё, написанное в уставе Союза благоденствия, осталось декларацией, а собрания его членов были не более чем частными приятельскими беседами за бокалом вина. В этом смысле он мало отличался от Союза спасения. Наиболее деятельные участники общества ста-

ли задумываться о создании чего-то более тайного и эффективного. К тому же нарастало недовольство политикой царя Александра I. Царь, кстати говоря, был неплохо осведомлён о делах Союза благоденствия и о том, какие там ведутся разговоры: к лету 1821 года на его столе уже лежала целая кипа донесений от посвящённого в тайны Союза библиотекаря Гвардейского штаба Михаила Грибовского.

Незадолго до того, в январе 1821 года, в Москве собрались представители управ и Коренной думы: Николай Тургенев, Михаил Фонвизин, Иван Якушкин, Фёдор Глинка, Михаил Орлов и другие. Целью съезда было «приискание средств для большей деятельности» Союза и превращение его в дееспособную политическую организацию. Однако единства мнений ни по одному вопросу не было. Одни желали мирной деятельности, другие намеревались готовить военный переворот; те мечтали о республике, эти готовы были довольствоваться конституцией при монархе. В итоге руководство Союза объявило о его роспуске. При этом доверенным членам было сообщено, что вместо распавшегося общества будет создано другое, более тайное.

Но заново создаваемое общество не имело единого центра. Ещё до московского съезда Пестель начал собирать свою организацию при Главной квартире 2-й армии в Тульчине – её стали называть Южным обществом. В Петербурге через некоторое время сформировалось Северное общество. То и другое создавалось братьями по Союзу благоденствия

на конспиративной и политической основе; целью была «перемена правления», то есть государственный переворот. Но разногласий и даже разброда избежать не удалось, так же как и добиться конспиративности. О собраниях становилось известно в светском обществе и в правительственных кругах.

На юге поначалу несомненным лидером был Пестель. Но вскоре у него появились противники и соперники: Иван Бурцев, Сергей Муравьёв-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин. Последний связался с польским Патриотическим обществом, чем вызвал недовольство своего ближайшего друга Сергея Муравьёва-Апостола. Позднее тот же неугомный Бестужев-Рюмин установил контакты с Обществом соединённых славян – ещё одной организацией с невнятной структурой и фантастической программой, но объединявшей весьма радикально настроенных молодых людей, главным образом офицеров 3-го корпуса 1-й армии. В результате по мере роста Южного общества разногласия среди его вождей только усиливались. Устав и программа, разработанные Пестелем и положенные в основу так и не дописанной им «Русской правды», остались в основном на бумаге.

В Петербурге дело обстояло не лучше. Основатели Северного общества – Никита Муравьёв, князь Сергей Трубецкой, Николай Тургенев – не обладали лидерскими качествами, зато с избытком были наделены амбициями. В итоге инициативу среди северян захватил недавно принятый в общество Рылеев, но общепризнанным вождём ему сделаться не уда-

лось. К тому же Пестель, разойдясь с собратьями по югу и северу, стал формировать в Петербурге отделение своей организации. Да ещё юный и самоуверенный флотский лейтенант Дмитрий Завалишин, соперничая с Рылеевым, затеял какой-то загадочный Вселенский орден восстановления...

Разномыслие, организационный разброд и отсутствие единоначалия расшатывали оба общества; между тем в их состав вливались новые молодые силы, их энергия требовала выхода. К осени 1825 года растущее изнутри напряжение заставило северян и южан приступить к выработке плана действий. Но и тут идеи высказывались разные. Устроить вооружённый мятеж во время манёвров и захватить царя в плен. Поднять несколько полков и совершить бросок с Украины на Москву и Петербург, где собратья своевременно взбунтуют гвардейские части. Выступить весной. Летом. Начать восстание не позже января...

Велись переговоры между севером и югом, Пестелем и Муравьёвым, Муравьёвым и «славянами»...

Ничего определённого сделано так и не было.

На стол царя ложились всё более подробные доносы о планах заговорщиков: от чиновника Бошняка, от генерала Витта, от унтер-офицера Шервуда...

Осенью император Александр отправился на юг, лечить больную жену, императрицу Елизавету Фёдоровну. Царская чета со свитой обосновалась в Таганроге.

Близился к концу ноябрь.

«Происшествие 14 декабря» и что случилось после

19 ноября после неожиданной и непродолжительной болезни Александр I скончался в Таганроге. Смерть сорокасемилетнего, ничем до этого не болевшего императора застала всех врасплох. Потомства покойный не оставил. Вся страна была уверена, что наследником престола по закону является цесаревич⁵ Константин Павлович, родной брат царя. Всего пять или шесть человек знали, что двумя годами раньше Константин ради женитьбы на графине Иоанне Грудзинской отказался от прав престолонаследования⁶ и что наследник теперь третий брат, Николай. Об этом был составлен и подписан Александром секретный манифест, который следовало обнародовать лишь после его смерти.

Константин жил в Варшаве; Николай находился в Петербурге. Траурная весть достигла Петербурга 27 ноября; в Варшаве о случившемся узнали двумя днями раньше. Между братьями завязалась переписка, но, пока она шла, в Петер-

⁵ *Цесаревич* – официальный титул наследника российского престола с 1797 по 1917 год.

⁶ Брак с «неравнородной», то есть с особой не монаршей крови, сам по себе не лишал Константина прав на престол, но, согласно Закону о престолонаследии 1797 года, дети от такого брака исключались из престолонаследия. К тому же цесаревич состоял в разводе с первой женой, что было крайне нежелательно для будущего императора. Детей от первого брака у него не было.

бурге решили (с согласия Николая), что надо присягать Константину. Без царя страна жить не может, а народ уверен, что царь – Константин. Присягать начали в Петербурге уже утром 27-го, а ближе к вечеру на заседании Государственного совета был оглашён секретный манифест. Оказалось, что страна клянётся в верности не тому.

Как быть? Решили присягу не останавливать и о манифесте пока помалкивать: ждать решения от августейших братьев. Братья же, за дальностью расстояния, выясняли отношения довольно долго. Возникла странная пауза, поползли слухи: мол, «с наследником что-то не так». Только на десятый день стало очевидно: Константин от престола отказался, царствовать Николаю. Но к этому времени обе столицы, вся гвардия, немалая часть армии и российской глубинки поклялись в верности его величеству государю императору Константину. Стали готовить новый манифест и новую присягу; об этом, разумеется, мгновенно разнеслись слухи. Ощущение, что «что-то не так», стало у многих перерастать в подозрение о государственном перевороте. При этом в Петербурге Николая не любили, а на находившегося далеко Константина возлагали неясные надежды.

Всё это было известно лидерам Северного общества из первых рук: у них имелось множество родственников и знакомых в Зимнем дворце, в Сенате, в Главном штабе, в Государственном совете. Что делать? Момент удобен для захвата власти под видом защиты прав Константина. Но ничего

не готово к выступлению. Или мало что готово. Или готово? Эти вопросы обсуждались на домашних совещаниях.

Наконец 12 декабря был подписан и на следующий день оглашён манифест о вступлении на престол Николая Павловича. Новая присяга назначена на 14 декабря. Время для действия сжалось до считанных часов. Поздним вечером 13 декабря на совещании у Рылеева было решено выступить.

План действий сводился к тому, чтобы захватить Сенат и не допустить его присяги, а тем временем постараться переманить на свою сторону побольше полков гвардии (в столице квартировали только гвардейские войска). Командующим был избран князь Сергей Трубецкой, его помощником («начальником штаба») – князь Евгений Оболенский, но функции между ними и прочими лидерами движения распределены не были. Утром 14 декабря группа офицеров-заговорщиков вывела из казарм несколько рот лейб-гвардии Московского полка, но когда эти войска подошли к Сенату, оказалось, что там никого нет, а присяга, по-видимому, уже состоялась. Роты выстроились на Сенатской площади в неопределённом ожидании.

Постепенно стало выясняться, что борьба за присягу проиграна и в частях гвардии. К стоящим на площади присоединились несколько рот Гренадерского полка, гвардейский Морской экипаж почти в полном составе – и всё. Около трёх тысяч человек. Остальные полки один за другим присягали Николаю. Наиболее надёжные стягивались к площади, беря

её в кольцо. Время шло. Уговорить мятежников разойтись мирно пытались генерал-губернатор Михаил Милорадович, митрополит Серафим, великий князь Михаил Павлович. В ответ брань и выстрелы. Смертельно ранены Милорадович и командир Гренадерского полка полковник Стюрлер.

Между тем вокруг росла толпа. Её поведение становилось непредсказуемым. Назревала угроза неуправляемого бунта. В наступающих сумерках Николай I приказал стрелять по мятежникам картечью из пушек. После предупредительных залпов ударили в строй. Солдаты побежали.

Вечером начались аресты.

17 декабря указом императора Николая I был учрежден «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года», позднее переименованный в [Комиссию для изысканий о злоумышленных обществах](#) (сокращённо – Следственная комиссия); председателем назначен военный министр генерал от инфантерии [Татищев](#). Комиссия работала в Петропавловской крепости; туда же доставляли и большинство арестованных.

Петербургские события породили громкий отголосок на юге: офицеры из Южного общества и Общества соединённых славян попытались поднять военный мятеж. 29 декабря несколько рот Черниговского полка под командованием Сергея Муравьёва-Апостола захватили городок Васильков близ Киева. Заговорщики, как и в Петербурге, надеялись

на поддержку других полков, расквартированных поблизости, но этого не произошло. После нескольких дней метаний между Фастовом, Васильковым и Белой Церковью, 3 января мятежные роты были разгромлены правительственными войсками, а руководители восстания схвачены.

Аресты на севере и юге и по всяким градам и весям России продолжались и в следующие месяцы.

1 июня 1826 года были подписаны высочайший манифест и указ Сенату об учреждении Верховного уголовного суда. В его составе – 69 сановников (среди них немало родственников и знакомых подсудимых) и три духовных лица; председатель – князь Пётр Лопухин.

Подсудимых на заседания суда не приглашали, не заслушивали; защиты у них не было.

Приговор составлен под руководством управляющего Комиссией составления законов Михаила Сперанского и в начале июля повергнут на высочайшее рассмотрение.

Несомненно, всю работу следствия и суда направлял и ею непосредственно руководил государь император Николай Павлович.

Окончательный, отредактированный императором приговор был объявлен подсудимым 12 июля. Осуждены были 120 человек. (121-й подсудимый, статский советник Горский, передан суду Сената.) Пять человек осуждены на смертную казнь через повешение; остальные разделены на 11 разрядов по степени тяжести преступлений; подавляющее большин-

ство осуждены на разные сроки каторжных работ с лишением чинов, титулов, наград, сословных и имущественных прав.

Приговор над осуждёнными вне разрядов приведён в исполнение утром 13 июля.

Остальным осуждённым наказания были смягчены указом 22 августа 1826 года в связи с коронацией Николая I и впоследствии ещё трижды, в 1832, 1835 и 1839 годах. Однако никто из осуждённых не был прощён и восстановлен в правах при жизни этого государя.

По делам, связанным с тайными обществами и декабрьскими событиями, состоялось ещё несколько судов, вынесших в общей сложности около сорока обвинительных приговоров. Точных данных о количестве наказанных солдат, том числе и умерших в результате наказания, не имеется.

* * *

И вот вопрос: а из-за чего всё это было?

Сами декабристы и в показаниях на следствии, и в мемуарах высказывались на эту тему примерно так: невозможно было не выступить против ужасных гнусностей, творившихся в России. Но это лишь ряд общих фраз, чрезвычайно похожих, из воспоминаний многих участников движения. На вопрос, что именно невозможно было терпеть, ответ следующий: мерзость крепостного рабства, отсутствие справедли-

ности в суде, произвол власти, воровство и взяточничество чиновников, направление политики Александра I. Или, как сформулирует на склоне лет декабрист Михаил Фонвизин: «...рабство огромного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчинёнными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол».

Но позвольте, удивляемся мы. О борьбе с крепостным правом путём освобождения собственных крестьян уже говорилось выше: такая возможность была у многих, и никто не воспользовался ею. Что касается произвола власти и воровства чиновников, то, кажется, в России за всю её многовековую историю не было дня, а может быть, и часа, когда бы с разных сторон не раздавались жалобы на это. Но не выходить же по этому поводу каждый раз под картечь на Сенатскую площадь!

Что же касается политики Александра I, то, например, в 1821 году он не пошёл на военное вторжение в Турцию ради поддержки восставших греков и их предводителя Александра Ипсиланти. Это вызвало негодование многих будущих декабристов. Но у царя были веские резоны избегать войны: Россия ещё не залечила раны 1812 года, а Ипсиланти, при всём уважении к нему, действовал без спросу как самонадеянный авантюрист.

Несомненно, участников тайных обществ уязвляла кадровая политика царя. Одним из общих мест декабристской риторики было осуждение Александра за то, что он продвигает

немцев, поляков и всяких иностранцев в ущерб русским (что отчасти соответствовало истине, но странновато звучало из уст Пестеля, Кюхельбекера или Юшневского). При этом наибольшее неприятие и прямо-таки ненависть вызывала у них личность Аракчеева, который как раз был русский по крови, коренной новгородец. Неужто декабристы намеревались свергнуть или убить Александра I попросту за то, что он назначает на важные должности не их и не их родных и близких?

Тут мы приходим к предположению о том, что нашими героями в немалой степени руководили личные амбиции и эмоции. Конечно, поднявшиеся на благородных дрожжах, но всё же это претензии личного плана.

А также неудовлетворённость покоем, жажда подвига и неуёмное стремление к славе.

Деятельнейший участник тайных обществ (избежавший, правда, наказания) Фёдор Глинка как-то обмолвился, что во время Наполеоновских войн, под ядрами и пулями он и его друзья чувствовали себя героями и вершителями истории, а в наступившее вслед за этим мирное время, продвигаясь в чинах, страдали от ничтожества размеренной жизни. Им непременно хотелось воевать с кем-нибудь великим и идти на штурм какой-нибудь неприступной позиции.

Вот они и пошли.

Мы кратко обратимся к биографиям тех 120 участников восстания, которые были осуждены Верховным уголовным судом. Добавим к ним биографию полковника Булатова: он не дожил до суда, но без него картина дня 14 декабря в Петербурге была бы неполной. За рамками нашего повествования останутся такие яркие, колоритные персоны, как Михаил Орлов, Фёдор Глинка, Иван Бурцев, Иван Сухинов, Александр Мозалевский и многие другие достойные внимания личности, наказанные в административном порядке или осужденные приговорами других судов.

Кое-что о неудачниках

Недавно я участвовал в одном культурном мероприятии. Оно было посвящено памяти старинного чудака и оригинала Вильгельма Кюхельбекера. Всё происходило на Фонтанке, у Калинкина моста, у дома 164. Этот дом когда-то принадлежал семейству одного богатого купца из немцев, потом там размещался сиротский приют. А в 1817–1821 годах в этом доме и в саду при нём резвилась пылкая юность: Императорский главный педагогический институт арендовал помещение для училищного пансиона. Вот в этом-то пансионе и преподавал долговязый Вильгельм – его туда направили после окончания Царскосельского лицея.

Он там учил благородных подростков, в их числе брата великого поэта Пушкина, Лёвушку, который, надо сказать, был изрядный повеса и хулиган. Чему и как обучал юношество Кюхельбекер – большой вопрос, потому что он был тугоух, подслеповат, сутул и говорил с акцентом на всех языках. Ах да, он их учил словесности: латинской и русской.

И жил он тут же. Учителям полагались квартиры при пансионе, и он поселился в двух комнатках в мезонине. Вон то квадратное окошко рядом с большим полукруглым – это, должно быть, его.

И у него бывал в гостях поэт Пушкин. Он жил неподалёку, в петербургской Коломне. И конечно, захаживал пообщать-

ся с лицейским товарищем, Кюхлей, а заодно попромывать мозги Лёвушке на правах старшего брата. Там они и сидели возле окошка, пили чай или что-нибудь такое и вели беседы о высоком.

А потом это всё как-то быстро кончилось. Пушкина уладили подальше из столицы, в Бессарабию. Пансион переехал. Кюхельбекер вышел в отставку, или его отправили в отставку. После этого он успел и за границей побывать, и послужить на Кавказе, и на дуэли стреляться. А в конце 1825 года зачем-то вступил в антиправительственное Северное общество. Как-то декабрьским вечером по нелепой случайности он забрёл в гости к приятелю Рылееву – тот жил неподалеку, на Мойке. Рылеев в это время был вдохновлён идеей государственного переворота. И слабовидящий Кюхля втянулся в это дело.

14 декабря 1825 года Кюхельбекер помчался на Сенатскую площадь⁷, прихватив с собой кое-какое оружие. По дороге уронил пистолет в снег, но, на свою беду, успел его подобрать...

Он был арестован и почти десять лет просидел в разных тюрьмах. Остаток жизни провёл в городишках Южного Урала и Сибири с сердитой и не очень красивой женой, и от таких неприятностей в последний год окончательно ослеп.

⁷ Во времена Пушкина и декабристов площадь перед зданиями Сената и Синода обычно именовалась Петровской, но мы будем пользоваться более привычным, закрепившимся в культурном сознании названием – Сенатская.

Всё это время он писал стихи и прозу. В основном стихи. Их осталось после него несколько ящиков. Стихи Кюхельбекера тогда никто не читал, кроме автора и двух-трёх его приятелей. Да и сейчас их не особенно читают.

По этому поводу и проходило мероприятие у дома 164 по набережной Фонтанки – 13 декабря две тысячи двадцать какого-то года, в канун очередной годовщины рокового события на Сенатской площади. Чему, собственно, было посвящено мероприятие – не совсем понятно. Видимо, тому факту, что вот есть же на свете такие смешные неудачники, как этот самый Кюхельбекер.

Ну и я пришёл туда почитать стихи и выразить свои чувства.

Вообще-то, сочувствие развивается в нас именно при взгляде на неудачников.

И возникает вопрос: почему из несуразицы, как из сора, вырастают такие грандиозные последствия?

Собирались за чашей вина, вели эмоциональные разговоры о свободе, цареубийстве и конституции, а в результате – виселица с пятью повешенными и дымный шлейф исторических мифов, за которым не разглядеть правды.

И вот ещё вопрос, на который не так-то просто ответить: зачем Кюхельбекер писал стихи?

Не «почему». «Почему» – это как раз понятно: подкатывало что-то изнутри, распирало, требовало словесно-дыхательного выхода. А именно «зачем»? С какой целью совер-

шал мучительный труд? Тратил остатки времени и сил на вышеуказанное тяжкое и неблагодарное дело – на поиск угловатых слов, на конструирование упрямо не складывающихся речевых оборотов. Изводил недешёвые чернила и бумагу. Жёг свечи, которые тоже стоят денег. Надрывал и без того слабые глазки. Страдал неудовлетворённостью. Наверняка плакал от неудач.

Причём стихи-то получались – никак не скажешь, что великие. Даже по рифмам видно. «Перуны» – «струны», «своды» – «свободы», «гроба» – «злоба», «горя» – «заря»... Неудивительно, что его за всё за это никто особенно не благодарил. Иные смеялись. Кое-кто из близких, должно быть, ругал. Большинство просто не обращало внимания на запойный труд неуклюжего человека. А он всё чего-то сочинял, записывал и складывал исписанные листы в ящики – в первый, в другой, в третий... Всё надеялся когда-нибудь предъявить миру.

Вот до чего дописался:

То ли дело лоно гроба!
Там безмолвно и темно,
Там молчат мечты и злоба:
В гроб убраться бы давно!

И убрался, не дожив до пятидесяти лет, на кладбище со странным названием «Завальное».

И при всём том от истории с Кюхельбекером остаётся ка-

кой-то свет в душе. И даже есть смысл время от времени собираться компанией возле старинного петербургского домика и устраивать скромную акцию в память о несчастливом Кюхле.

А если бы Вильгельм Карлович не поднял из сугроба свой пистолет, не побежал бы с ним на Сенатскую площадь, а там не пальнул куда-то в сторону важного всадника на белом коне, и не был бы за это осуждён, и не провел следующие двадцать лет в тюрьмах и ссылке – что стало бы с его стихами? Вспомнил бы вообще кто-нибудь про них? Или они пошли бы на растопку или на папильотки? Да и родились бы они?

Неужели для того, чтобы достичь высшей цели – бессмертия, – нужно претерпеть мучительные неудачи во всём остальном?

Часть II

Вне разрядов

Повесть о пяти повешенных

Из приговора Верховного уголовного суда:

«По внимательном и подробном рассмотрении всех преступных действий каждого из подсудимых... Верховный уголовный суд приговорил к смертной казни четвертованием по 19-му артикулу воинского устава:

- 1. Вятского пехотного полка полковника Павла Пестеля...*
- 2. Отставного поручика Кондратия Рылеева...*
- 3. Черниговского пехотного полка подполковника Сергея Муравьёва-Апостола...*
- 4. Полтавского пехотного полка подпоручика Михаила Бестужева-Рюмина...*
- 5. Отставного поручика Петра Каховского...»*

Его императорское величество государь Николай Павлович не одобрил казнь кровавую, выразив согласие на какую-либо иную, без пролития крови совершаемую. Следуя монаршей воле, Верховный уголовный суд заменил четвертование повешением.

Дело № 1⁸

Из приговора Верховного уголовного суда:

«...По собственному его признанию, имел умысел на цареубийство, изыскивал к тому средства, избирал и назначал лица к совершению оного, умышлял на истребление императорской фамилии и с хладнокровием исчислял всех её членов, на жертву обреченных, и возбуждал к тому других, учреждал и с неограниченной властью управлял Южным тайным обществом, имевшим целью бунт и введение республиканского правления, составлял планы, уставы, конституцию, возбуждал и готовил к бунту, участвовал в замысле отторжения областей от империи и принимал деятельнейшие меры к распространению общества привлечением других».

В списке осуждённых фамилия Пестеля, как самого главного мятежника и злодея, стоит под номером первым. Между тем обвинительная формула не вяжется с суровостью казни. «Имел *умысел* на цареубийство», «*умышлял*», «участвовал в *умысле*»... Заклинание повторено трижды.

За невоплощённый умысел – смерть?!

Правда, в Воинском артикуле Петра Великого, в статье 19-й, на которую ссылается приговор, указано: «Есть-ли кто

⁸ Это номера дел в нашей книге. В материалах Следственной комиссии дела подследственных расположены в ином порядке, с другой нумерацией.

подданный войско вооружит или оружие предпринимет против его величества или умышлять будет помянутое величество полонить или убить... тогда имеют тот и все оные, которые в том вспомогали или совет свой подавали, яко оскорбители величества, четвертованы быть». Но в этом же кодексе содержится много такого, о чём за истекшее после Петра столетие и думать забыли – например, смертная казнь через повешение за дуэль.

Из материалов дела не видно, чтобы подследственный предпринимал конкретные шаги к осуществлению умысла. При этом Пестель – единственный среди пяти повешенных – не принимал участия ни в событиях, развернувшихся 14 декабря в Петербурге, ни в мятеже Черниговского полка.

Соратники возмущались: Пестель осуждён не за свои дела, а лишь за намерения и образ мыслей. Судьи видели в нём злодея, достойного казни без всякого снисхождения. Знакомые жалели о погибших его дарованиях.

Кто же он? Коварный заговорщик или одержимый политический прожектёр? Опаснейший государственный преступник или невинная жертва властного произвола?

Возьмём с полки запылённую папку с бумагами. Интересно, что расскажут нам ветхие документы и пожелтевшие листки свидетельских показаний.

Павел Иванович Пестель

Вероисповедание лютеранское.

Родился 24 июня 1793 года в Москве.

Отец – Иван Борисович Пестель, на момент рождения первенца Павла – московский почт-директор; впоследствии председатель почтового департамента, сенатор, сибирский генерал-губернатор, действительный тайный советник; с 1821 года в отставке. Мать – Елизавета Ивановна, урождённая Крок. Братья: Борис, Владимир, Александр; служили исправно по военной и по гражданской части, в преступных деяниях замешаны не были. Сестра София, не замужем.

Получил домашнее образование в Германии, затем окончил Пажеский его императорского величества корпус; в 1812 году, перед началом войны, выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. В Бородинском сражении ранен; в 1813 году произведён в подпоручики, затем в поручики; за участие в походах 1812–1815 годов награждён золотым оружием «За храбрость», орденами Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени и иностранными наградами. С 1813 по 1821 год адъютант генерала от кавалерии Петра Христиановича Витгенштейна. В 1814 году причислен к лейб-гвардии Кавалергардскому полку. В 1817 году произведён в штаб-ротмистры, в 1818-м в ротмистры, в 1819-м в подполковники с переводом из гвардии в армию⁹. В 1821 году произведён в полковники и назначен командиром Вятского пехотного полка.

⁹ Чины ротмистра и капитана гвардии (VII класс Табели о рангах) соответствовали чину армейского подполковника.

Масон высокой степени посвящения.

Женат не был. Детей не имел.

Арестован 13 декабря 1825 года в Тульчине.

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение
13 июля 1826 года в Петербурге.

Место захоронения неизвестно.

До недавнего времени мы не располагали достоверными портретами Пестеля: все известные были сделаны с утраченных, как считалось, оригиналов. Но неожиданно один подлинник был обнаружен. На нас смотрит человек, и в самом деле похожий на Наполеона: лоб высок, подбородок округл, глаза бойкие и смотрит с вызовом...

Николай Иванович Греч, литератор и педагог:

«Роста был он невысокого, имел умное, приятное, но серьёзное лицо. Особенно отличался он высоким лбом и длинными передними зубами. Умён и зубаст!»

Николай Лорер, декабрист:

«Пестель был небольшого роста, брюнет, с чёрными, белыми, но приятными глазами. Он и тогда, и теперь, при воспоминании о нём, очень много напоминает мне Наполеона».

Есть у Пестеля литературный тёзка – гоголевский Павел Иванович Чичиков, коллежский советник в отставке (что в гражданской службе соответствовало полковнику). Он тоже смахивал на Наполеона. И тоже имел намерение оседлать птицу-тройку Русь и был сброшен ею в тартатары...

Родоначальник русской ветви Пестелей и прадед декаб-

риста Вольфганг Пестель был выходцем из Саксонии и, по семейному преданию, сыном бургомистра города Шмельна. Окончив Лейпцигский университет, поступил на русскую службу. Указом Петра I он был назначен генерал-почтамт-секретарём, впоследствии дослужился до дворянского чина и должности московского почт-директора (эту должность будут занимать и трое его потомков). Небезынтересно, что женат он был, как сказано в семейной хронике, «на старшей дочери императорского церемониймейстера д'Акоста», то есть известного петровского шута Лакосты. Почт-директорскую должность унаследовал сын Вольфганга Бурхард (по-русски Борис Владимирович), а затем и внук Иван Борисович. Последний взял в жёны девицу Елизавету Крок, саксонского происхождения, и в этом браке родился первенец Павел.

Карьера Ивана Борисовича, невзирая на некоторые интриги завистников, успешно осуществлялась и далее (поговаривали, что не в последнюю очередь благодаря перлюстрации, но таковы уж особенности почтовой службы в императорской России). Перевод в Петербург, сенатские ревизии, управление департаментом... Вершиной стало назначение в 1806 году генерал-губернатором Сибири, эту должность тайный советник Пестель исправлял на протяжении 13 лет.

Служебное положение отца открыло сыну двери престижнейшей из школ Российской империи: в 1810 году он был принят в Пажеский корпус, причём, по сдаче необходимых

экзаменов, сразу в последний класс. Из этого привилегированного заведения, из Воронцовского дворца на Садовой, — прямой путь в гвардию, к чинам военной и придворной службы. На выпускных испытаниях камер-паж Павел Пестель заработал 1303 балла из 1360 возможных — больше всех однокашников. Вторым шёл Владимир Адлерберг — 1273 балла.

На этой почве (если верить всезнающему литератору и воспитателю юношества Николаю Гречу) разыгралась драма. Дело в том, что воспитанник, получивший высший балл, выпускался из корпуса с преимуществом в два чина, поручиком гвардии, занявший второе место — подпоручиком; прочие же прапорщиками.

Из «Записок» Николая Греча:

«...Мать Адлерберга (начальница Смольного монастыря) бросилась с просьбою к императрице Марии Феодоровне: „Мой-де сын учился с успехом всему, что преподаётся в корпусе, получил прилежанием и успехами первое место. Приехал Пестель, и моего Владимира ставят на второе...” С другой стороны, Пестель (Иван Борисович. — А. И.-Г.)... искал помощи у верховного визиря. Аракчеев доложил государю, что Адлерберг награждён уже казённым содержанием и обучением, а Пестель не получил от казны ничего... и потому заслуживает преимущества. Государь отвечал и матушке своей, и другу, что поступит по всей справедливости, и, когда кандидаты в герои явились к нему на смотр,

сказал им: „Господа, поздравляю вас всех прапорщиками нового гвардейского Литовского полка“».

По жестокой иронии императора служебное движение Пестеля началось с обманутой надежды. Ирония высших сил будет подсвечивать мрачноватыми тонами весь его дальнейший жизненный путь. «Замечательно, – восклицает Греч, – что один из состязателей теперь генерал-адъютант, граф, андреевский кавалер, министр¹⁰, а другой повешен как преступник!» Отметим: повешен как раз пришедший к финишу номером первым.

Едва Павел Пестель окончил курс и получил младший офицерский чин, как грянула «гроза двенадцатого года».

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шёл мимо нас...

Так Пушкин скажет, обращаясь к товарищам-лицеистам, через 24 года. Пестель как раз годился Пушкину в старшие братья. Литовский полк промаршировал где-то недалеко от садов Лицея и исчез в военной пыли. И гвардии прапорщик Пестель в его походной колонне.

Он воевал честно, даже героически. На Бородинском поле

¹⁰ А в 1826 году – участник следствия по делу Пестеля, в должности помощника правителя дел Следственного комитета.

Литовский полк был выдвинут на левый фланг, к деревне Семёновской, – стало быть, попал в самое пекло. Убитыми было потеряно до трети состава, столько же ранеными. Командир взвода Пестель был жестоко ранен пулею в ногу с раздроблением кости и повреждением сухожилий; подобран без сознания и какое-то время числился пропавшим без вести. От раны сей страдал впоследствии, порой мучительно. Через полгода после Бородина вернулся в строй – на костылях, подпоручиком и с золотой шпагой «За храбрость». Русская армия уже продвигалась по дорогам Европы.

В сей момент коварная судьба сыграла герою на фанфарах: Пестель был назначен адъютантом к генералу Витгенштейну. Такое назначение сулило много благ. Витгенштейн, одержав минувшим летом первую в этой войне победу над наполеоновскими маршалами, носил лавры спасителя Петербурга, да и человек он был обходительный, добрый; служить при таком – перспективно и не тяжко. Вот она, дорога к успеху, к чинам, новым знакомствам и связям.

...Кто знает, не случись этого назначения, быть может, не болтаться бы Пестелю в петле...

Умный, «серiousный» офицер прослужит при генерале почти девять лет; под витгенштейновым крылом оперится, превратится из птенца-пажа в ястреба-заговорщика. Пока что в Заграничном походе он выполняет особые поручения своего патрона по части разведки и прочей секретно-аналитической деятельности. За это уже через полгода, в августе

1813-го, произведён в поручики. Прошлогодня осечка при выпуске из корпуса может быть забыта. Заодно и награды (которые вообще любят адъютантов) посыпались на грудь. Два русских ордена, по одному австрийскому, баденскому и прусскому – и всё это за один год.

Корпус Витгенштейна возвратился из похода в конце 1815 года. А уже в следующем году мы могли бы встретить невысокого круглолицего адъютанта с наполеоновским профилем и беспокойным взглядом на сходках Союза спасения и на церемониях столичных масонских лож. В этих последних он не ученик-новичок, а имеет уже высокое звание мастера: говорят, прямо со школьной скамьи привёл его в ложу Соединённых друзей инспектор классов Пажеского корпуса Карл Оде-де-Сион – католический монах-расстрига, полковник русской службы и отъявленный масон.

Привыкший первенствовать, Пестель не мог не сделаться одной из центральных фигур тайных обществ. Считается, что именно он написал статут (устав) Союза спасения. Документ этот не сохранился, но известен того же автора более поздний устав Южного общества, он составлен по масонским образцам. Члены общества разделяются на три категории: высшая – бояре, далее мужи, низшая – братья (в масонских ложах – мастера, подмастерья, ученики). Сокровенные тайны и цели общества положено знать лишь боярам, им же вручается коллективное руководство и право принятия новых членов. Мужи содействуют боярам и постепен-

но углубляются в сокровенное, братья подчиняются и исполняют приказы. Что касается основных тайн, то на этот счёт был написан второй устав Союза спасения, для посвящённых. Там шла речь о «канцелярии непроницаемой тьмы», о слежке за своими же товарищами и о прочих конспиративных вещах. Впрочем, всё это известно лишь со слов не всегда надёжных свидетелей. Как уже было сказано, статут Союза спасения существовал лишь на бумаге. Сам Союз вскоре распался.

В начале 1817 года Витгенштейн был отправлен командовать корпусом в Курляндию, в Митаву; адъютант (уже штаб-ротмистр) последовал за ним. Через полтора года генерал назначен главнокомандующим 2-й армией, дислоцированной в Подолии и Бессарабии. Гвардии ротмистр Пестель вместе со своим командиром перебрался в подольский городок Тульчин. К концу 1818 года он уже во главе одной из трёх управ Союза благоденствия. Чем именно, кроме возвышенных бесед, занималась Тульчинская управа – не вполне ясно, как, впрочем, туманно всё, касаемое Союза благоденствия.

И тут судьба, долгое время благоволившая Пестелю, строила ему довольно-таки неприятную гримасу. В 1819 году Пестель-отец внезапно отстранён от должности, причём с немалым скандалом. Злым его гением явился Михаил Сперанский, посланный с ревизией и обвинивший сибирского генерал-губернатора во множестве служебных прегрешений. Мы не будем вникать в суть этого нечистого дела – о том,

был ли виновен Иван Борисович, существуют разные мнения. Отметим лишь, что именно Сперанский, погубив служебную карьеру отца, в недалёком будущем составит смертный приговор сыну. Теперь же отец оказывается без хорошей должности, а в скором времени и вовсе отправляется в отставку. Для сына это означает значительное сокращение содержания и потерю поддержки сильных мира сего. Но главное даже не это, а удар, нанесённый семейству со стороны престола. Не знаем, как для Пестеля-старшего, но для Пестеля-младшего Александр I становится с этого момента личным врагом. Согласно показаниям свидетелей, будучи в начале 1820 года по служебным делам в Петербурге, Пестель посещает собрание Коренной управы и там ставит ребром вопрос о цареубийстве и об установлении республики.

При всём том отцовский крах внешне не повлиял на положение сына. Павел Пестель остаётся доверенным лицом своего главнокомандующего, более того, устанавливает хорошие, перспективные отношения с влиятельными людьми: с новым начальником штаба армии генералом Киселёвым, с генерал-интендантом Юшневским; последний, верный друг и соратник по тайному обществу, останется с Пестелем до конца. Правда, в Тульчинской управе у него появился было соперник – гвардии капитан Иван Бурцев: он, а не Пестель представлял Тульчинскую управу в Москве на съезде, где было объявлено о роспуске Союза благоденствия. Но Пестель собрал членов своей управы, и они дружно выступили

против московского решения. Так образовалось Южное общество, без Бурцева и с Пестелем во главе. (Бурцева неудача спасёт от суда и каторги, для Пестеля победа обернётся петлёй. Опять роковой номер первый.)

К этому времени относится единственная известная нам романтическая история про Павла Ивановича. Он посватался и потерпел неудачу. Сюжет прост и едва угадывается из недомолвок семейной переписки. Предмет воздыханий – красавица-полька Изабелла Валевская; безответная влюблённость в неё вдумчивого подполковника, неблагоприятность к ней его родителей; в итоге – разочарование. Не просты, однако, действующие лица: Изабелла – свояченица графини Марии Валевской, возлюбленной Наполеона (опять это имя!), и падчерица генерала Ивана де Витта. Про этого последнего – потомственного шпиона, сына константинопольской гетеры и польского офицера (иные говорили – польского короля) – впору писать роман или сценарий авантюрного сериала; мы ограничимся тем, что укажем его должность на тот момент: начальник военных поселений Юга России, то есть командир целой армии. Безотносительно к чувствам, такой брак был бы весьма перспективен с точки зрения деятельности тайных обществ. Но – неодобрение родителей, холодность невесты... Отказ.

Считается, что с этого времени Пестель стал готовить военный переворот. Однако как именно готовил? Умышлял или действовал? Какие имел средства?

Военный переворот, ежели его эпицентр находится в двух тысячах вёрст от императорского дворца, предполагает как минимум трёхнедельный марш на столицу и синхронные согласованные действия соратников в оной. О соратниках – чуть позже. А где войска, верные и надёжные? Где командиры, способные повести их за собой?

Какое-то время основной надеждой Южного общества был генерал Михаил Орлов. Тут сама фамилия обязывает: внебрачный сын одного из тех Орловых, что возвели на престол великую Екатерину. Ветеран тайных обществ, преуспевающий по службе: командир дивизии, да ещё зять знаменитого генерала Раевского. Того и гляди корпус получит. А с корпусом большую кашу можно заварить. Но у Орлова имелись свои амбиции, и немалые. К тому же он склонен слишком обнаруживать свои либерально-заговорщицкие планы: то вдруг предложит на съезде Союза благоденствия, который насквозь просматривается и прослушивается, печатать фальшивые ассигнации для подрыва власти, то введёт у себя в дивизии ланкастерскую школу для солдат, – а чему там учат? и кто? вольнодумцы! Естественно, за ним стали присматривать. В 1822 году в его дивизии произошла неприятная история из-за конфликта ротного командира и каптенармуса: один воровал, другой мешал ему это делать, все это привело к солдатским волнениям. В дивизию приехали проверяющие, арестовали майора Владимира Раевского (однофамильца генерала) за продвижение солдатских школ и рас-

шатывание дисциплины¹¹, а Орлова в конце концов отрешили от должности. Эта драма в недалёком будущем избавит Михаила Фёдоровича от каторги. А в тот момент южный заговор лишился военной силы, на которую более всего опирался.

Тем временем служебное положение Пестеля существенно переменилось.

В марте 1821 года грек-фанариот и генерал русской службы Александр Ипсиланти (тоже участник тайного общества, только греческого – Филики этерия), не спросив у государя, с отрядом соратников перешёл границу Османской империи и начал военные действия против турок на территории Молдавии¹². В России не просто сочувствовали этерии – многие, особенно в кругу будущих декабристов, жаждали войны «за свободу греков, против тирании султана». Власти колебались. Умный адъютант Витгенштейна был командирован выяснить, что и как происходит на самом деле в неожиданно вспыхнувшей «горячей точке». Подробности этой миссии не вполне ясны. Как настоящий разведчик, Пестель, не

¹¹ Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872), однокашник Николая Тургенева и Ивана Бурцева по университетскому пансиону, член Союза благоденствия, после ареста провёл несколько лет в разных тюрьмах, затем был осуждён на вечное поселение в Сибири с лишением чинов и прав дворянства. В селе Олонки Иркутской губернии женился на местной крестьянке, имел многочисленных детей, после амнистии на родину не вернулся и умер там же на 78-м году жизни.

¹² Молдавией называлась область на правом берегу Прута, на территории нынешней Румынии.

ограничившись сбором информации по сию сторону границы, скрытно пробрался на территорию, подвластную султану, изучил ситуацию на месте и составил донесение. Его отчёт незамедлительно был доведён до сведения императора.

Александр Пушкин, дневниковая запись 1833 года:

«Странная встреча: ко мне подошёл мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишинёвских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. б...с Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишинёве вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал этерию, представя её императору Александру отраслю карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады. Тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера».

Пушкин прав: Пестель изобразил Ипсиланти бунтовщиком, собратом итальянских мятежников-карбонариев, а его дело – как заведомо проигранное. Почему Павел Иванович поступил так, в разрез с мечтами и чаяниями своих политических единомышленников? Возможно, не хотел, чтобы силы 2-й армии, которые он надеялся использовать в целях переворота, были отправлены в помощь грекам. Может, по какой другой причине. Но переданные им сведения решили дело: Александр I отказался помогать этеристам. Восстание захлебнулось. Россия избежала большой войны. 1 ноября 1821 года Пестель произведён в полковники.

Молдавская миссия основательно испортила репутацию Пестеля в вольнодумной среде. Он предал этерию! Ради чин-нов сгубил истинно русское дело греческой свободы. Да русский ли он?

И снова вопрос: кто же он таков, наш Павел Иванович – «человек с профилем Наполеона и душою Мефистофеля»? Лютеранин, масон или безбожник? Немец, русский или обиженный царем космополит? Всё сразу: русский офицер саксонских кровей, герой битв с французами, равно свободно владевший языками русским, немецким и французским: в дружеской беседе предпочитал французский, в последние минуты жизни, перед эшафотом, изъяснялся по-русски и по-французски... Там же, под виселицей, просил благословения и молитв у православного священника.

Пушкин, из Кишинёвского дневника, 1821 год:

«Утро провел с Пестелем; умный человек во всём смысле этого слова. „*Mon cœur est matérialiste*, – говорит он, – *mais ma raison s'y refuse*“¹³. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

Князь Сергей Волконский, декабрист:

«С самого начала моего знакомства я мог оценить великие дарования, пылкое чувство и стойкость характера Пестеля».

Николай Греч:

¹³ Сердцем я материалист, но мой разум этому противится (фр.).

«...Высокомерие и непомерное честолюбие, соединявшееся с хитростью и скрытностью. В нём было нечто иезуитское. Ума он был необыкновенного, поведения безукоризненного».

Барон Андрей фон Розен, декабрист:

«Коротко знавшие и ежедневно выдавшие его... сравнивали его голову с конторкою со множеством отделений и выдвижных ящиков: о чём бы ни заговорили, ему стоило только выдвинуть такой ящик и изложить всё с величайшею удовлетворительностью».

Он не безбожник и не мистик, не немец, не русак и не американец – он самолюбивый, расчётливый, твёрдый, а главное, умный, исключительно умный человек.

А что такое – умный человек?

Ещё более неопределённая категория, чем «декабрист».

«Умный» – понятие ситуативное. Математический гений решает труднейшие уравнения, а в магазине перед прилавком застыл дурак дураком; полуграмотный сапожник в своей работе умнее сорока профессоров.

При чтении «Русской правды», основного труда последних пяти-шести лет жизни Пестеля, не возникает ощущения, что этот текст, полный противоречий и фантазий, не применимых к реальности, написан невероятно умным человеком. Методичным – да, начитанным – может быть, уверенным в своём особом призвании – несомненно, доктринёром-графоманом, даже фанатиком – увы, тоже. А вот насчёт ума...

«Нижний Новгород назначается столицею Российского государства под названием Владимира»; «Разделить все кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить на их жилищах... а вторых силою переселить во внутренность России»; «Отныне впредь никто не может в монахи поступить прежде 60-го году от рождения»... И так далее. Смесь нудной дидактики и поэтической мечтательности, сектантского начётничества и мистического космизма; если же снять словесную пену, то останутся известные блюда просветительской кухни от Монтескьё, Гельвеция и прочих поваров в париках осмнадцатого столетия. Общественное благо, упразднение сословий, равенство перед законом – это прекрасно, да и вообще в творении Пестеля много дельных мыслей, но – как осуществить всё сие в стране, протянувшейся от Балтики до Аляски, населённой множеством народов, из которых ни один не понимает по-французски?

Вообще говоря, приходится признать, что многим из декабристов свойственна некая зашоренность, скованность мысли, как будто попала гружёная телега в колею и никак оттуда не вывернуть. Неодолимой колеей явилась для них французская либеральная книжность, пестующая социальные теории эпохи Просвещения. А грузом – уверенность в своей корпоративной исключительности как единственных в России просвещённых людей.

Вот, например, Николай Бестужев заявляет, что Рылеев как поэт выше Пушкина. Он пишет, что Пушкин, конечно,

ловчее управлялся со словом и рифмой, но сочинял, в общем-то, легковесные стишки, разве что «Цыганы» стоящая поэма. А Рылеев хоть и не всегда складно изрекал, но зато истину, поэтому он выше как поэт.

Или вот ещё, Николай Тургенев, один из вождей Союза благоденствия и Северного общества. Он, будучи в эмиграции, страшно обиделся, когда брат Андрей процитировал ему в письме стихи того же Пушкина о декабристских обществах:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Тургенева оскорбило отнюдь не содержание отрывка, а то, что некто поэт, гуляка праздный, осмеливается высказываться о его персоне и вообще по данному поводу. «Сообщаемые вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами, — написал он в ответ. — Судьи меня и других осудившие делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, цивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения и при всем том быть варваром. Пушкин и все русские конечно варвары. б...с ...для

меня всего приятнее было бы то, если б бывшие мои соотечественники вовсе о мне не судили, или, если хотят судить, то лучше если б следовали суждениям Блудовых, Барановых, Сперанских и т. п.» (то есть судей, вынесших приговор декабристам). Очень интересное высказывание: никто не смеет иметь суждение о нас, кроме нас самих и наших заклятых врагов, которые с нами одной крови.

Да, но мы отвлеклись.

Итак, в ноябре 1821 года Пестель произведён в полковники и через две недели назначен командиром Вятского пехотного полка. Это, конечно, повышение. Но из Тульчина, из штаба армии, пришлось уехать. Тульчинская управа Южного общества осталась без руководителя; её adeпты (Басаргин, Ивашев, Вольф, Аврамов, Крюковы, Бобрищевы-Пушкины) всё более превращались в стадо, лишённое пастыря. Кстати сказать, осматривая Вятский пехотный полк в 1823 году, император остался доволен и пожаловал Пестелю 3000 десятин земли.

Тем временем в Василькове подполковник Черниговского полка Сергей Муравьёв-Апостол принялся собирать свою команду заговорщиков. Теперь вся опора Пестеля – три человека: генерал-интендант Юшневский, новый адъютант Витгенштейна князь Барятинский и, наконец, – реальная сила! – генерал-майор князь Сергей Волконский, командир пехотной бригады в Умани. Весьма ценно, что князь Сергей в добрых отношениях с князем Петром, тоже Волконским,

из другой ветви рода, начальником Главного штаба и влиятельным конфиденнтом государя. И опять судьба демонстрирует Павлу Ивановичу ехидную ухмылку. Весной 1823 года, после скандала с военным бюджетом, князь Пётр Волконский отрешён от должности и отправляется путешествовать за границу. Сообщество Пестеля лишается покровителя в начальственных сферах.

Пестель не может не понимать, что обстоятельства против него, что его революция не складывается. Но отступать некуда. Заговор уже существует, в него втянуты десятки офицеров. Сколь долго можно таить шило в мешке? Ещё год, от силы два – и всё будет раскрыто. Планы военного мятежа, умысел цареубийства... Потянет на разжалование, а то и на крепость. Позади тьма, впереди свет. Надо действовать.

И он продолжает строить планы, вербует приверженцев, едет в Петербург искать там союзников, надеется на содействие столпов Северного общества... Тщетно. Петербургские переговоры в начале 1824 года заканчиваются провалом: Трубецкой и Рылеев принимают Пестеля сдержанно – с ними, как и с Никитой Муравьёвым, автором проекта конституции, конфликт идейный.

Из показаний князя Александра Барятинского:

«...Сие свидание кончилось раздорием между им и Никитой Муравьевым, потому что один опровергал сочинения другого насчет общества. Сие более походило на прение авторских самолюбий, нежели на совещание тайного обще-

ства».

Без поддержки в столице мятеж южан обречён. Пестель пытается сколотить в столице своё тайное общество, филиал Южного. Но как ему, полковнику из Подолии, найти в Петербурге нужных людей? И куда вести их? Перспективы туманны.

Николай Греч:

«Он хотел произвести суматоху; пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышленной сумасбродами республике».

Князь Сергей Волконский:

«Полагаю обязанностью оспаривать убеждение... что Павел Иванович Пестель действовал из видов тщеславия и искал при удаче захватить власть, а не имел целью чистые общие выгоды...»

Из показаний Михаила Бестужева-Рюмина:

«Чрезмерная недоверчивость его всех отталкивала, ибо нельзя было надеяться, что связь с ним будет продолжительна. Всё приводило его в сомнение; и через это он делал множество ошибок. Людей он мало знал».

Заговорщик, который мало знает людей, – это не заговорщик, а теоретик. Пожалуй, так оно и есть: Пестель – теоретик заговора, умственный мечтатель, взваливший на себя груз деятеля. Главный плод его деятельности, хотя и незавершённый, – «Русская правда»: детальнейшим образом разработанная теоретическая программа, которую невозможно осу-

ществить на практике. Однако ж сей трактат напитан искрящей энергией души несостоявшегося перевоспитателя человечества. С «Русской правдой» Пестель знакомит избранных членов Южного общества и покоряет их сердца. Но, вообще-то, после неудачи в Петербурге его заговорщицкое пламя начинает мерцать и гаснуть. А тем временем происходит то, что должно было случиться рано или поздно: сведения о заговоре во 2-й армии доходят до самого верха, до государя.

Быть может, главная загадка императора Александра I, сего Северного Сфинкса, заключалась в том, что он ни на кого не мог или не хотел наводить страх. Не заставлял, чтобы его боялись. Ещё в 1822 году, провозглашая запрет всех тайных обществ, он посылал сигнал вольнодумцам: мол, маски, я вас знаю. Ответом стало возбуждение планов военного переворота. В 1823 году на смотре в Умани, изволив хвалить генерал-майора Волконского за отличное состояние бригады, император выразил пожелание, чтобы тот впредь занимался строем и не лез в дела верховной власти, в которых ничего не смыслит. Это было прямое предупреждение, и не столько генералу, сколько некоторым полковникам. И вновь не испугались и лишь живее стали готовить почву для мятежа.

Летом 1825 года планы заговорщиков, доселе весьма абстрактные, начинают обретать конкретные очертания. Правда, инициатива теперь принадлежит не Пестелю, а Васильковской управе и северянам. Мятеж намечен на весну, имеется намерение захватить императора в плен во вре-

мя манёвров на Украине. Князь Трубецкой и Сергей Муравьёв-Апостол становятся во главе заговора, а вятский полковник оказывается несколько в стороне, на вспомогательной роли; его задача – всего-навсего захватить Тульчин. Павел Иванович этим не удовлетворен, он уже в январе готов вести на штурм власти... – но кого? Свои несуществующие легионы, армию мёртвых душ?

1 сентября государь император выехал из Петербурга в Таганрог. Вести о заговоре слетаются к нему с разных сторон. Информаторы разного ранга: коллежский советник Александр Бошняк, сам не чуждый вольнодумства и посему знакомый со многими заговорщиками; несостоявшийся тесть Пестеля генерал Витт; унтер-офицер из иностранцев Иван Шервуд. К началу ноября государь, вероятно, представлял себе очертания заговора не хуже, чем его участники. Ему известны имена и сроки. Но он не принимает никаких решений.

Что-то, видимо, не складывается в разложенной перед ним мозаике. Как будто он ждёт последнего, окончательно, неоспоримого доноса.

О том, что этот донос уже написан, он так и не узнает.

19 ноября Александр I скончался.

25 ноября, когда о смерти монарха не было ещё объявлено, отправилось по инстанциям адресованное на высочайшее имя донесение капитана Вятского полка Аркадия Майборода:

«Ваше императорское величество!

Всемилоостивейший гостударь!

С лишком уже год, как заметил я в полковом моём командире полковнике Пестеле наклонность к нарушению всеобщего спокойствия. Я, понимая в полной мере сию важность, равно как и гибельные последствия, могущие произойти от сего заблуждения, усугубил всё мое старание к открытию сего злого намерения и ныне только разными притворными способами наконец достиг желаемой цели, где представилось взору моему огромное уже скопище, имеющее целью какое-то переобразование, донныне в отечестве нашем неслыханное, почему я как верноподданный Вашего императорского величества, узнавши обо всём, и спешу всеподданнейшие донести...»

Этот офицер не обремененный ни совестью, ни образованием, из незнатных дворян Полтавской губернии Кременчугского уезда, был принят Пестелем в тайное общество недавно. Павел Иванович холил и лелеял его, как черно книжник лелеет туповатого, но верного ученика, не обращая внимания на косые взгляды старых соратников. И всё бы хорошо, но капитан проворовался. Видя единственное средство ко спасению от военного суда, он написал на своего командира подробнейший донос. Там было изложено про заговор либералов и «Русскую правду» и названы имена – и всё это с пафосом висельника, последняя надежда которого – успеть перекинуть свою петлю на другого.

В неразберихе, последовавшей за кончиной государя, расследованием по этому доносу занялись не сразу. Лишь 5 декабря начальник Главного штаба Иван Дибич отправляет в Тульчин генерал-лейтенанта Александра Чернышёва (эта персона повстречается многим нашим героям на их скорбном пути) с поручением выведать про заговор на месте. Бывший разведчик и партизан, Чернышёв исполнил поручение быстро. Заговорщики ещё переписывались о делах своих мятежных, а западня для них была уж готова.

А что Пестель? Как Наполеон при Ватерлоо, как Чичиков после бала у губернатора, Павел Иванович захворал. Если бы не телесная немощь, Пестель, возможно, нашёл бы способ спастись: у него было предостаточно информаторов в штабе армии. Но в решительный момент силы его оказались подорваны и воля парализована. Предупреждённый об угрозе, он успел лишь сжечь опасные бумаги и, как ему казалось, надёжно спрятать незаконченную рукопись «Русской правды». (Интересен этот его последний поступок на свободе: стало быть, он ещё надеялся на избавление и на победу.)

12 декабря больной Пестель получает приказ Витгенштейна срочно явиться в Тульчин. Повинуется. 13 декабря прибывает в штаб армии. Там и арестован.

На следующий день в Петербурге будет совершена попытка переворота; в Тульчине об этом узнают лишь 23-го.

После довольно-таки бесплодного допроса, проведенного Чернышёвым, 27 декабря Пестель отправлен в кандалах

в Петербург. 3 января состоялся разговор наедине с новым императором, содержание неизвестно. В тот же день доставлен в Петропавловскую крепость и помещён в камере № 13 Алексеевского равелина. Опять эта странная ухмылка судьбы: задуманный им план броска на Петербург осуществился почти в те самые сроки, на которые был намечен. И цели достигнуты: Зимний дворец и невская крепость. Только вместо верных полков – фельдъегерь, а вместо победного знамени – кандалы.

На протяжении всего следствия Пестель содержался в строгой изоляции. При этом постоянно подвергался допросам, с ним было проведено множество очных ставок. В своих ответах Следственной комиссии он многое открыл, не менее того скрыл, при этом назвал немало имён – именно тех, кого сам готов был принести в жертву. Сводя счёты с Васильковской управой, вывел следствие на Общество соединённых славян. Поведал о давних цареубийственных планах Лунина. Однако своих ближайших соратников не выдал. На него самого материалов собрано было предостаточно, и самых убийственных. Откровенно топили Пестеля северяне, особенно Трубецкой. Сваливали на него вину и многие южане, из тех, что были на вторых ролях. Усердствовал Майборода (за это получит награды и будет долго и успешно продвигаться по службе, пока не «вонзит себе кинжал в левую часть груди», как сказано в акте врачебного освидетельствования). «Русскую правду», конечно же, не удалось скрыть:

о ней рассказывали на допросах, её рукопись вскоре обнаружили.

...12 июля 1826 года, близ полудня, подследственных стали извлекать из камер и собирать в Комендантском доме Петропавловской крепости. Как оказалось, суд над ними уже состоялся. Их призвали, чтобы только объявить приговор.

Первыми в комнату заседаний были введены пятеро.

Из воспоминаний Николая Лорера:

«Огромный стол, накрытый красным сукном, стоял покосом. В середине его сидели четыре митрополита, а по фасадам Государственный совет и генералитет. Кругом всего этого на лавках, стульях амфитеатром – сенаторы в красных мундирах. На пюпитре лежала какая-то огромная книга, при книге стоял чиновник... Все были в полной парадной форме».

Пятерым объявлен смертный приговор. Пестель – номер первый.

Перед казнью Пестелю разрешили свидание, первое и последнее, – с отцом.

Казнь совершилась на рассвете.

Священник Пётр Мысловский:

«Пестель с прочими товарищами своими изведён был из крепости в кронверк уже в оковах... Он стал на колени и говорил мне твёрдым голосом: „Отец святой! Я не принадлежу вашей церкви, но был некогда христианином... От чистого сердца прошу вас: простите меня в моих грехах и бла-

гословите меня в путь дальний и ужасный“».

Рассказывали, что Пестеля во время следствия пытали: когда его вели на казнь, он выглядел совершенно измученным и еле волочил ноги, на его голове якобы видели рубцы от пыточного железа. Но достоверно известно, что во время ареста Пестель был серьёзно болен, к нему приглашали врача: это зафиксировано в следственном деле; из Тульчина в Петербург он был отправлен в болезненном состоянии. Вряд ли содержание в камере Алексеевского равелина способствовало поправке его здоровья. Что касается рубцов на голове, то об этом рассказывали только те, кто не мог их видеть. Никто из встречавшихся с Пестелем на очных ставках или присутствовавших при казни ни о каких следах истязаний не упоминает.

Из свидетельств очевидцев казни:

«Эшафот был отправлен на шести возах, и неизвестно по какой причине вместо шести возов прибыли к месту назначения только пять возов, шестой, главный, где находилась перекладина с железными кольцами, пропал...»

«Не так ли что было сделано или забыли что, не знаю, — говорили потом, что будто перекладина пропала, а кто их знает, вряд ли правда. Как ей пропасть? Что-нибудь там, может, повредилось... Копались с виселицею долго. Как ни понукали, как ни спешили, а всё уже дело-то подходило ко дню, в четыре часа ещё виселицу ставили».

«Преступники шли в оковах, Каховский шёл вперед один,

за ним Бестужев под руку с Муравьёвым, потом Пестель с Рылеевым под руку же и говорили между собою по-французски... слышно было, что Пестель, смотря на эшафот, сказал: „C'est trop“»¹⁴.

«В воротах чрез высокий порог калитки с большим трудом переступали ноги преступников, обременённых тяжкими кандалами... Пестеля должны были приподнять в воротах – так он был изнурён».

«Никаких кандалов не было... Только ремни. Ремнями были связаны и руки, и ноги...»

Барон Андрей фон Розен, со слов очевидцев:

«Пестель оставался спокойным до последнего мгновения, он никого ни о чем не просил; равнодушно смотрел, как заковали ноги его в железо, и когда под конец надели петлю, когда из-под ног толкнули скамейку, то тело его оставалось в спокойном положении, как будто душа мгновенно отделилась от тела...»

Дело № 2

Из приговора Верховного уголовного суда:

«...По собственному его признанию, умышлял на царевбийство, назначал к свершению оногo лица, умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление император-

¹⁴ Это слишком (фр.).

ской фамилии и приуговлял к тому средства, усилил деятельность Северного общества, управлял оным, приготавлил способы к бунту, составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении правительства, сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов, приуговлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных, возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных обольщений и во время мятежа сам приходил на площадь».

Кондратий Фёдорович Рылеев

Вероисповедание православное¹⁵.

Родился в сентябре 1795 года; дата точно не установлена, как и место рождения. (Обычно указывают: 18 сентября, деревня Батово. Первое под вопросом, второе неверно: Батово было приобретено матерью Рылеева значительно позже.)

Отец – Фёдор Андреевич Рылеев, отставной полковник (подполковник? бригадир?). Мать – Анастасия Матвеевна, урождённая Эссен. Родители с некоторого времени жили раздельно.

В 1800 году зачислен в малолетнее отделение Первого кадетского корпуса; по окончании корпуса, в феврале 1814 года, выпущен прапорщиком в 1-ю конную роту 1-й резервной артиллерийской бригады. Был в Заграничном походе; отличий и наград не имел. Уволен в отставку по прошению

¹⁵ В официальной терминологии того времени – греко-российское.

с производством в подпоручики в 1818 году. С 1821 по 1824 год – заседатель Санкт-Петербургской палаты уголовного суда по выборам от дворянства; в 1824–1825 годах правитель канцелярии Российско-американской торговой компании.

В 1819 году женился на Наталье Михайловне Тевяшовой, дочери воронежского помещика; в браке родилась дочь Анастасия.

Приобрёл известность своими сочинениями, преимущественно в стихах. В 1822–1825 годах совместно с Александром Бестужевым издавал в Петербурге альманах «Полярная звезда».

Масон.

Участвовал в событиях 14 декабря 1825 года.

Арестован в ночь с 14 на 15 декабря у себя на квартире, в доме Российско-американской компании (Мойка, 72).

Осуждён вне разрядов, казнён через повешение 13 июля 1826 года в Петербурге.

Род Рылеевых восходит к середине XVI века. Из всех Рылеевых ко времени рождения будущего декабриста до генеральского чина дослужился лишь один – Никита Иванович, петербургский обер-полицмейстер и гражданский губернатор, в 1797 году вышедший в отставку тайным советником; но в какой степени родства он состоял с нашим героем – не установлено. Отец декабриста, Фёдор Андреевич, хотя и служил когда-то под началом Суворова, но в чинах продвигался туго – вероятно, по причине ершистости и безалаберности

характера, и лишь при отставке был пожалован в полковники (иные говорят – в бригадиры, но это маловероятно)¹⁶. Видимо, тогда он и женился на девице Настасье Эссен (из каких именно Эссенов – неизвестно). Вскоре после рождения сына брак разладился: отец уехал в Киев, мать поселилась в ново-приобретённой деревеньке Батово близ Гатчины, а мальчика на шестом году отдали в Первый кадетский корпус. Или, вернее, сначала отправили сына учиться, а потом разъехались. Так или иначе, сыну более не довелось увидеться с отцом: в 1813 году Фёдор Андреевич скончался.

О том, хорошо ли было обучение в Первом кадетском корпусе и каково жилось там воспитанникам, существуют разные мнения. Сам Рылеев, судя по всему, не сохранил особенно тёплых воспоминаний о школе. К военной службе он вообще оказался несклонен, а характером упорен и ершист – в отца.

Николай Греч, литератор и педагог, о кадете Рылееве:

«...Показывал с детства большую любознательность, учился довольно хорошо, чему учили в корпусе, вёл себя поря-

¹⁶ С чином Рылеева-отца не всё ясно. В шведской кампании 1790 года он подполковник; в польскую кампанию 1792 года в бою под Миром «был с баталионом во многих движениях...». Командир батальона – должность майорская или подполковничья. При Павле I (не позднее 1797 года, а вероятно, и раньше) он уже в отставке. Сведений о его продвижении по службе в 1790-е годы нет, следовательно, в отставку он, скорее всего, вышел с производством в следующий чин – полковником. Однако в некоторых документах покойная мать Рылеева именуется подполковницей; если это не ошибка, то муж её был уволен без повышения, за провинность.

дочно, но был непокорен и дерзок с начальниками, и с намерением подвергался наказаниям: его секли нещадно, он старался выдержать характер, не произносил ни жалоб, ни малейшего стоны и, став на ноги, опять начинал грубить офицеру».

Кондратий Рылеев, кадет, в письме отцу своему от 7 декабря 1812 года, о том, чему учит его сердце:

«Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твёрдостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесёшься превыше человеков!» Тут я восклицаю: „Быть героем, вознестись превыше человечества! Какие сладостные мечты! О, я повинуюсь сердцу!“».

(Далее следует просьба о присылке денег.)

Фёдор Рылеев – сыну в ответном письме:

«... Человек делает сам себя почти отвратительным, когда говорит о сердце и... для того и повторяет о сердечных чувствованиях часто, что сердце его занято одними деньгами».

Николай Греч о Рылееве:

«... Человек не важный и сам не знал, чего хотел...»

В стенах Кадетского корпуса (бывшего дворца временщика Меншикова) непокорный мечтатель провёл почти половину своей жизни. Выпуск состоялся в феврале 1814 года. Все-европейская война из российских пределов откатилась далеко на запад, во Францию. Рылеев, как успешный в науках,

был определён прапорщиком в конную артиллерию и отправился в Европу догонять свою бригаду.

Странные игры играет с человеком его судьба. Конно-артиллерийская рота, в которую назначен был Рылеев, действовала в составе подвижного отряда генерала Александра Ивановича Чернышёва. Через 12 лет этот самый Чернышёв станет главным инквизитором следственной эпопеи декабристов; он же будет присутствовать при казни, и, по словам очевидцев, когда Рылеев, вздёрнутый первый раз, сорвётся с виселицы, именно он, Чернышёв, скомандует вешать снова... А вот интересно: поторопись новоиспечённый прапорщик тогда, в 1814 году, или окажись выпущен из Корпуса немного раньше – и, может быть, обрёл бы в генерале не палача, а отца-командира. Может быть, сдружило бы их поле боя... Кто знает.

Однако повоевать Рылееву не довелось: 19 марта русские вступили в Париж, через пять дней Наполеон отрёкся от власти. Кондратий Фёдорович провёл более года в разъездах по Европе на службе под крылом своего родственника генерал-майора Михаила Николаевича Рылеева, военного коменданта Дрездена. Мир установился, русским войскам было велено отправляться домой.

Роте, в которой служил Рылеев, надлежало квартировать в Белогорье Острогожского уезда Воронежской губернии. О том, как тянулись его армейские будни в 1816–1818 годах, достоверных сведений мало: надо думать, не обошлось без

гарнизонной скуки с картами и водкой.

Из письма Рылеева матери, 10 августа 1817 года:

«Время проводим весьма приятно: в будни свободные часы посвящаем или чтению, или приятельским беседам, или прогулке; ездим по горам и любимся восхитительными местоположениями, которыми страна сия богата; под вечер бродим по берегу Дона и при тихом шуме воды и приятном шелесте лесочка, на противоположном берегу растущего, погружаемся мы в мечтания, строим планы для будущей жизни, и чрез минуту уничтожаем оные; рассуждаем, спорим, умствуем – и наконец, посмеявшись всему, возвращаемся каждый к себе и в объятиях сна ищем успокоения».

Однако неподалёку от Белогорья обнаружилась точка притяжения для офицерской молодёжи – имение хлебосольного помещика Михайла Тевяшова, а там – две барышни на выданье: Настасья и Наташенька. Образованный прапорщик взялся обучать девиц русской словесности и иным наукам – и... Словом, через некоторое время он посватался. К младшей.

Из письма Рылеева матери, 17 сентября 1817 года:

«...Милая Наталия, воспитанная в доме родителей и не видевшая никогда большого света, имеет только тот порок, что не говорит по-французски. Её невинность, доброта сердца, пленительная застенчивость и ум, обработанный самою природою и чтением нескольких отборных книг, в состоянии сделать счастье каждого... Я люблю её, любезней-

шая матушка, и надеюсь, что любовь моя продлится вечно...»

В хорошем обществе такого рода дела не делаются быстро. Через полгода благословение матушки было получено; засим ещё через полгода последовало прошение об отставке. Приказом от 26 декабря 1818 года прапорщик 12-й конно-артиллерийской роты был уволен от службы с производством в следующий чин. 22 января 1819 года в Острогжске отставной подпоручик Рылеев обвенчался с девицей Натальей Тевяшовой. В мае 1820-го у них родилась дочь, наречённая, как бабушка и тётушка, Анастасией. Вслед за этим семейство перебралось в Петербург.

Из письма Натальи Рылеевой сестре Анастасии в деревню; Петербург, дата не установлена:

«...Скажу вам, сестрица, какие тут добрые дамы. Я ни в одной не заметила, чтобы были насмешницы... Офицеры сюда почти каждый день ходят, а мне так и так, когда там сижу, очень грустно делается, и уйду в свою половину, и лежу или что-нибудь делаю».

Александр Пушкин, из «Table talk»:

«Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. „Я женат“, – отвечал Рылеев. „Так что же, – сказал Дельвиг, – разве ты не можешь отобедать в ресторации потому только, что у тебя дома есть кухня?“»

До сей поры, как видим, жизнь Кондратия Фёдоровича складывается размеренно, тихо, заурядно. Как положено

средней руки дворянину – учение, служба, отставка, женитьба, дети, «имением не управляй оплошно»... С переездом в Петербург всё меняется. Как будто новый человек вылупил-ся из прежней оболочки.

Всё началось со стихов.

Стихи он писал и раньше – как должно чувствительно-му юноше. То было творчество альбомного формата, не более. В декабре 1820 года вышла октябрьская книжка журнала «Невский зритель». В ней просвещённая петербургская публика с трепетно-злорадным чувством прочитала: «К временщику. Подражание Персиевой сатире „К Рубеллию“».

Надменный временщик, и подлый, и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесённый в важный сан пронырствами злодей!

Чувства публики понятны: никакой Рубеллий здесь ни при чём, а подлый временщик – доверенный слуга императора граф Алексей Аракчеев. Имя Рылеева, автора злободневнейшего стихотворения, сразу сделалось известным в литературных и, что важнее, политических мыслящих кругах.

Надо сказать, Рылеев вонзил свою стихотворную рапиру в сплетение нервов околопрестольной жизни. В годы после Наполеоновских войн в ближайшем окружении Александра I соперничали три наиболее влиятельные персоны: упомянутый Аракчеев, начальник Главного штаба князь Пётр Ми-

хайлович Волконский (известный нам по делу Пестеля) и князь Александр Николаевич Голицын, министр духовных дел и народного просвещения. Сие необычное, как говорили, «сугубое» министерство было учреждено именно для князя Голицына и держало под контролем не только учебные заведения и религиозные организации всех конфессий, но также и книгоиздательство, печать и цензуру. По сути, это было дальнейшее предзнаменование «идеологических отделов ЦК» в советской России. Нарочито добродушный, обходительный и очень-очень благочестивый Голицын представлял собой чуть ли не ангела, спустившегося с небес к правому плечу государя, тогда как Аракчеев призван был играть роль дьявола, который теребил августейшее левое плечо. Под покровительством Голицына (прямым или косвенным, явным или скрытым) выпускались различные издания и произрастали общества дозволенно-вольнодумного направления. «Невский зритель» состоял в дружбе с Вольным обществом любителей российской словесности, которое пользовалось милостями сугубого министра. Ни для кого не было секретом, что между Голицыным и Аракчеевым существует непримиримая вражда. Пощёчина, нанесённая последнему в стихах, сделала Рылеева видным игроком на стороне первого.

Рылеев продолжил сотрудничать в «Невском зрителе» и вскоре был принят в Вольное общество любителей российской словесности. Чуть ли не все основатели последнего бы-

ли масонами. Вероятно, не без их содействия Рылеев становится членом ложи «К пламенеющей звезде». Кажется, еще шаг – и он участник тайных обществ. Однако на этом этапе его больше привлекает литературная известность, а затем и возможность самому направлять литературный процесс. В 1822 году вместе с новым другом, Александром Бестужевым, он получает разрешение на издание альманаха «Полярная звезда». Название – парафраз имени той самой масонской ложи.

Несомненно, Рылеев и Бестужев попали в свою колею. Альманах стал большим литературным событием. В первом его выпуске, вышедшем в декабре 1822 года, встретились – в первый и, наверно, в последний раз под одной обложкой – сочинения Пушкина и Булгарина, Дельвига и Сенковского, Вяземского и Греча, Жуковского, Дениса Давыдова, Фёдора Глинки, Крылова, Баратынского, Гнедича, Бестужева (будущего Марлинского) – словом, полный парад тогдашней русской словесности. Второй выпуск «Полярной звезды» ровно через год разошёлся значительно бóльшим тиражом, чем первый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.